

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Конституционное и административное право»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Правовое обеспечение государственного управления и местного самоуправления

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему Ограничение прав и свобод человека в конституционной теории и практике

Обучающийся

И.М. Безрукова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

к.ю.н. В.В. Романова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Концепция конституционно-правового ограничения прав и свобод человека и гражданина	13
1.1 Понятие и виды ограничений.....	13
1.2 Генезис конституционно-правового регулирования ограничений прав и свобод человека и гражданина	30
1.3 Зарубежный опыт конституционно-правового регулирования ограничений прав и свобод человека и гражданина	41
Глава 2 Формы ограничения прав и свобод человека и гражданина	66
2.1. Статусные ограничения.....	66
2.2 Режимные ограничения	75
2.3 Ограничения прав и свобод человека и гражданина в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации	84
Заключение	90
Список используемой литературы и используемых источников.....	98

Введение

В настоящее время большинство демократических систем в Европе возникли под влиянием либерализма. Либерализм всегда ассоциировался со свободой личности и защитой от государственной тирании. Либеральная демократия стала значительным шагом на пути к уважению человеческого достоинства. Современная демократия многих европейских стран следует основным принципам либеральной политической системы: конституционализму, разделению властей и таким ценностям, как свобода личности, права человека, автономия меньшинств и т.д.

В то же время обеспечение принципов и ценностей требует от государств введения определенных ограничений для обеспечения суверенитета, общественного порядка, защиты здоровья своих собственных граждан и общего благосостояния.

Что касается научной конституционной доктрины, например, М. Савчин раскрыл содержание критериев ограничения прав человека, указав, что системный характер прав человека обуславливает основанное на ценностях независимое определение допустимых ограничений основных прав, которые должны быть привязаны к конкретным обстоятельствам и насущным потребностям в демократическом обществе. В соответствии с этим автором, требование демократического устройства общества определяет определенные стандарты в установлении критериев ограничения прав человека, которые должны соответствовать насущным социальным потребностям.

Чтобы обеспечить демократическое устройство государств и основные права и свободы человека, европейские страны образовали Совет Европы в 1949 году.

С созданием Совета Европы эта международная организация столкнулась с необходимостью принятия юридически обязательного документа, то есть международного договора, который закрепил бы

основные права и свободы человека на европейском уровне. Такая ситуация объясняется тем фактом, что с самого начала своего создания Совет Европы считал необходимым действовать как международная организация, служащая всеобъемлющим стандартом защиты прав человека, независимо от определенных обстоятельств (мирное или военное положение) на протяжении последующих столетий [27, с. 11].

Поэтому 4 ноября 1950 года правительства западноевропейских стран приняли Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ). Документ стал первым международным документом по правам человека, который не только декларирует права человека и призывает к их соблюдению, но и налагает на стороны определенные юридические обязательства и вводит систему контроля за осуществлением и соблюдением прав человека в государствах – членах Совета Европы. Подход, введенный Общей декларацией и Европейской конвенцией, уникален – каким бы ни было законодательство государств-членов, каждому гарантированы права, закрепленные в этих документах. Это права, которые объединяют всех людей, а не те, которые разделяют национальные и этнические взгляды и традиции.

В то же время вопросы применения государствами – членами ЕСПЧ ряда ограничений основных прав и свобод человека практически полностью исследованы как в зарубежных, так и в отечественных доктринах конституционного права. Мы хотели бы подчеркнуть, что ЕСПЧ является не только основой всего комплекса международно-правового регулирования в области прав человека, его законных интересов и потребностей, но и выступает в качестве ориентира для своих государств-членов, тем самым определяя четкие рамки для применения ограничений в отношении таких прав. В частности, в соответствии со статьей 18 ЕКПЧ ограничения, разрешенные в соответствии с настоящей Конвенцией, не применяются для иных целей, кроме тех, для которых они установлены [22].

Кроме того, в рамках ЕСПЧ мы можем видеть, что цели ограничения прав человека по сравнению со Всеобщей декларацией прав человека 1948 года и Международным пактом о политических и гражданских правах 1966 года были значительно расширены и введены для поддержки:

- государственной и общественной безопасности или экономического благосостояния стране;
- предотвращение беспорядков или преступлений;
- здоровье или нравственность или с целью защиты прав и свобод других лиц;
- защита национальной безопасности или территориальной целостности;
- защита репутации других лиц;
- предотвращение разглашения конфиденциальной информации;
- поддержание авторитет и беспристрастность судебных органов.

На сегодняшний день довольно проблематично обозначить границы, в пределах которых могут реализовываться права и свободы человека, закрепленные в Конституции Российской Федерации. Также проблемой является определение возможности и актуальных критериев, которые могли бы в рамках закона ограничивать конституционные права и свободы граждан. Эти правовые вопросы весьма актуальны не только в качестве стимулов дальнейшего развития доктринального конституционного права Российской Федерации, но также в большей степени для того, чтобы дальше продолжала развиваться практика государственно-правовой направленности.

Общеизвестный факт, что конституционные нормы, которые содержатся в ч.3 ст.55 Конституции Российской Федерации, носят прикладной характер. В связи с этим все чаще данного рода вопросы становятся главными предметами обсуждений в узком кругу практикоориентированных специалистов. Важность и потребность в ограничениях конституционных прав и свобод граждан обусловлена рядом причин. Первой из этого ряда является тот факт, что с каждым днем все

больше возрастает угроза, связанная непосредственно с опасностью совершения многочисленных актов международного терроризма. Это связывают с распространяющимся кризисом ценностей либерального характера, который наблюдается по всему миру. Второй и наиболее значимой причиной является тот факт, что, как и в большинстве случаев, теория идет в отрыве от практики. Как результат, возникают ситуации, когда теоретические знания фактически не могут быть применены на практике [23].

В рамках послания Президента Российской Федерации также неоднократно внимание обращалось непосредственно на возможность и критерии ограничений конституционных прав и свобод человека. В качестве примера можно привести речь Президента Российской Федерации, которая была адресована Федеральному Собранию в 2012 году. В рамках этой речи Президент акцентировал внимание на сфере государственного управления и упомянул, что служба на государственных должностях напрямую связана с большим количеством ограничений. Данные ограничения обеспечивают поддержание должного уровня дисциплины.

Выбранная мной тема весьма актуальна ещё и из-за того, что, несмотря на важность проблематики данного вопроса, в современном правовом мире, по сути, отсутствуют научные исследования, которые бы максимально глубоко рассматривают ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина как в теории, так и на практике.

Разные ученые в процессе развития данной проблематики уделяли внимание разным частям данного вопроса. Так, например, В.В. Барбин исследовал вопрос ограничения неимущественных прав лица, которое находится на службе в органах внутренних дел, а также вопрос применения ограничений конституционных прав и свобод личности и гражданина в рамках деятельности органов внутренних дел [5, с. 2]. А.А. Подмарев был заинтересован в исследовании вопроса ограничения прав и свобод, содержащихся в Конституции, в целом во всей Российской Федерации [69, с. 12]. А.Б. Чемакин в своем исследовании специализировался на возможности

ограничений прав и свобод гражданина и личности, содержащихся в Основном законе страны, в условиях военного положения в Российской Федерации [144, с. 18]. Проблема в рамках данного вопроса заключается в том, что непосредственно центральным элементом исследования, он [вопрос] так и не стал.

На основании доводов, которые были приведены выше, считаем целесообразным провести исследование по данному вопросу и рассмотреть тему ограничения прав и свобод личности и гражданина, имеющих конституционное происхождение в Российской Федерации.

Степень научной разработанности. Уровень разработанности темы магистерской диссертации довольно высокий. Это обусловлено тем, что тема диссертации весьма актуальна и пользуется спросом у ученых-правоведов.

С.С. Кравчук, А.С. Мордовец, В.М. Чхиквадзе, Е.А. Шахунянц, Б.С. Эбзеев, С.А. Бурьянов, В.И. Крусс и другие ученые-правоведы уделяли большое внимание вопросам общетеоретического характера.

А.Л. Васин, В.Д. Зорькин, В.А. Лебедев, И.М. Приходько, А.В. Шмоткин и другие ученые-правоведы также внесли значительный вклад в развитие данной темы.

Среди юристов также есть те, кто уделил внимание написанию статей по данной проблематике. Это такие юристы, как В.В. Лазарева, В.В. Лапаева, Д.Ш. Пирбудагова, С.В. Пчелинцев, Т.С. Рыбакова и др.

В роли объекта магистерской диссертации можно обозначить общественные отношения, которые являются результатом такого правового процесса как ограничение прав и свобод личности, содержащихся в Конституции Российской Федерации в границах нашей страны.

Из объекта вытекает предмет магистерской диссертации, который выражается в конституционных нормах, напрямую устанавливающих ограничения прав и свобод личности, а также схожих с ними норм в других отраслях права в законодательстве Российской Федерации.

На основании предмета и объекта магистерской диссертации выводим цель исследовательской работы: изучить конституционно-правовую основу в сфере конституционных ограничений прав и свобод личности. В качестве дополнительной цели в рамках магистерской диссертации можно выделить внесение предложений, направленных на усовершенствование законодательной базы, а также правоприменительной практики в рамках данной тематики.

Для того чтобы реализовать цели, поставленные в рамках магистерской диссертации, необходимо выполнить ряд задач:

- изучить понятие и виды ограничений в рамках прав и свобод конституционного характера отечественного законодательства;
- проанализировать существующий механизм создания ограничивающих норм конституционного характера;
- рассмотреть и проанализировать существующую практику в ряде зарубежных стран в области ограничивающих положений конституционного характера;
- изучить ограничения режимного и статусного характера конституционного происхождения;
- предложить нормы, которые будут призваны усовершенствовать законодательную базу Российской Федерации в области ограничения конституционных прав и свобод личности.

Методология исследования построена на комбинировании общенаучных и специально–правовых методов. При написании магистерской диссертации применялись следующие методы: логические, формально–юридический, метод сравнительного правоведения, метод толкования права и другие. Использование такого количества методов исследования позволило в полной мере провести исследование по заданной теме и изучить вопрос с разных точек зрения, а также разработать правовые предложения по усовершенствованию нормативной базы Российской Федерации.

Теоретическую основу магистерской диссертации составили научные труды таких ученых-правоведов, как С.С. Кравчук, А.С. Мордовец, В.М. Чхиквадзе, Е.А. Шахунянц, Б.С. Эбзеев, С.А. Бурьянов, В.И. Крусс, А.Л. Васин, В.Д. Зорькин, В.А. Лебедев, И.М. Приходько, А.В. Шмоткин, В.В. Лазарев, В.В. Лапаев, Д.Ш. Пирбудагов, С.В. Пчелинцев, Т.С. Рыбаков и др.

В качестве правовой базы по данной магистерской диссертации выступили следующие нормативно-правовые акты Российской Федерации:

- Конституция Российской Федерации 1993 г. в действующей редакции от 4 июля 2020 года;
- федеральные конституционные законы (например, «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ);
- положения кодексов, в которых содержится прямое или косвенное указание ограничивающих норм конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации;
- законы федерального уровня (например, «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в действующей редакции от 30.12.2021 г.);
- законы (например, «О прокуратуре Российской Федерации» в действующей редакции от 01.07.2021 г.);
- подзаконные нормативно-правовые акты.

Для полноты исследования в рамках магистерской диссертации также были изучены и проанализированы правовые акты международного характера, которые непосредственно прямо или косвенно содержат нормы ограничивающего происхождения.

Базой зарубежного опыта в рамках данной проблематики послужило большое количество зарубежных конституций. В частности, наибольшее внимание уделялось нормам, ограничивающие конституционные права и свободы в рамках конкретного государства.

Судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации составляет эмпирическую основу исследовательской работы. Также сюда относятся данные статистического характера, аналитическая информация в рамках указанной проблематики, а также сюда относят и нормативно-правовые акты, которые на сегодняшний день утратили юридическую силу.

Ценность магистерской диссертации заключается в ее научной новизне:

- выявлена новая научно-правовая концепция к подходу в изучении ограничений конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации в виду большого разнообразия оснований существенного характера;

- в рамках исследовательской работы были предложены меры, направленные на усовершенствование правоприменительной практики в области ограничений конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации;

- обозначена важность расширить понятие ограничивающих норм в рамках конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации с разных точек зрения. Например, между государством и личностью в обстоятельствах, которые находят отражения в Основном законе страны, либо в рамках вида деятельности государственно-властных органов.

На защиту выносятся положения с учетом вышеприведенной научной новизны:

Первое. Автором предложена новая концепция в подходе к изучению данного вопроса. А именно автор считает, что под ограничением прав и свобод личности конституционного характера следует понимать некую систему, предусмотренную в рамках Конституции Российской Федерации, которая предполагает определенного рода изъятия из правового статуса личности в строго определенных целях.

Второе. Проанализировав существующую на сегодняшний день нормативно-правовую базу по данному вопросу, были вынесены положения,

которые позволили расширить понятие рассматриваемого вопроса по следующим направлениям:

- в рамках конституционно-правового института (закрепление норм однородного характера в Основном законе Российской Федерации, а также в законодательстве федерального уровня);
- в рамках правоотношений на уровне государства и личности при обстоятельствах, предусмотренных в Конституции Российской Федерации и в законодательстве на федеральном уровне;
- род деятельности органов государственной власти (возможность применять различного рода ограничения на конституционные права и свободы личности в Российской Федерации);
- возможность самоограничения при определенных обстоятельствах и в строго определенных целях.

Третье. В рамках магистерской диссертации большое внимание уделяется вопросу оптимизации процесса при применении ограничений конституционных прав и свобод статусного и режимного характера по различным направлениям:

- Правительство Российской Федерации в силу своих полномочий должно разработать и утвердить нормативно-правовой документ, который будет содержать все необходимые моменты по применению механизма ограничительных норм;
- в рамках конституционного закона федерального уровня «О чрезвычайном положении» существует необходимость внести определенного рода дополнения и поправки, которые бы конкретизировали и уточняли положения, содержащиеся в рамках данного закона, посредством принятия федеральных законов.

Если рассматривать магистерскую диссертацию с точки зрения теоретической значимости, то следует отметить следующие моменты:

– в ходе исследовательской работы доказательным путем было расширено представление о вопросе ограничения прав и свобод человека в конституционной теории и практике;

– исследованы и проанализированы положения концептуального характера в вопросе ограничения прав и свобод личности;

– изучены существующие формы в понятии ограничения прав и свобод личности;

– исследован вопрос, касающийся процесса развития регулирования конституционно-правовых ограничений в исследуемой области;

– усовершенствован подход, связанный с классификацией существующих форм конституционных ограничений. Этот ход, в свою очередь, послужил тем, что в рамках данной магистерской диссертации были получены новые выводы и результаты.

Выводы и результаты, полученные в рамках проведенной исследовательской работы, могут быть использованы в разнообразных правовых сферах, таких как норма- и законотворческой, также в рамках правоприменительной практике органов государственной власти, а также данный материал может быть полезен при преподавании учебных курсов в высших учебных заведениях, в рамках которых рассматривается данная проблематика.

Данная магистерская диссертация выстроена согласно целям и задачам, поставленным перед автором. Таким образом, диссертационное исследование в своей структуре имеет введение, две главы теоретического характера, каждая из которых подразделяется на три параграфа, заключение и замыкает работу список источников и литературы, которые были использованы при написании этой работы.

Глава 1 Концепция конституционно-правового ограничения прав и свобод человека и гражданина

1.1 Понятие и виды ограничений

Практика применения специальных правовых режимов показывает, что законодательство большинства зарубежных стран рассматривает такие режимы как правовые институты, регулирующие режим чрезвычайного положения при осуществлении государственной власти в различных ситуациях, когда нормальное функционирование общества и государства становится невозможным. При этом введение таких режимов неизбежно связано с ограничениями прав и свобод человека и гражданина, которые иногда носят императивный характер с применением принуждения. В то же время, в современных условиях развития цивилизации, внедрения принципа гуманизма во все сферы общественного существования, ограничения прав и свобод человека и гражданина должны быть разумными и пропорциональными, ограничения, связанные с проведением специальных правовых режимов, не должны быть чрезмерными и вводиться с нарушением процессуальных порядков. Вышеизложенное требует разработки надлежащих критериев ограничения прав человека и гражданина и свободы при особых режимах. Учитывая вышеизложенное, для правильного понимания оснований, сущности и пределов ограничений прав и свобод человека и гражданина в рамках специальных правовых режимов важно изучить положения международного права и зарубежную практику применения чрезвычайного и военного положения.

Поскольку специальные правовые режимы служат правовой основой, для ограничения прав и свобод человека и гражданина актуальность изучения понятия, видов и ключевых особенностей специальных правовых режимов не вызывает сомнений. Внутри каждой страны современности и на

международном пространстве неоднократно возникали чрезвычайные ситуации (агрессия, угроза конституционному строю государства, жизни и здоровью людей и сограждан, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера и другие исключительные обстоятельства), когда нормальное функционирование общества и государство были сложными. В таких условиях возрастает потребность в четком, последовательном правовом регулировании модели поведения, направленной на преодоление и ликвидацию негативных последствий чрезвычайных ситуаций [4, с. 59].

Государство обладает относительно большей свободой действий при решении вопросов национальной безопасности. Однако любое решение политического или правового характера в государстве, управляемом верховенством права, где применяется верховенство закона, ограничено конституция страны, устанавливающая объем дискреционных полномочий каждого органа. В Украине регулирование общественных отношений, возникающих в связи с чрезвычайными ситуациями, стало особенно важным после возникновения военного конфликта на территории Украины и распространения вируса тяжелого острого респираторного синдрома-2 (SARSCoV-2) [151].

Ограничение прав и свобод человека – чрезвычайно актуальная, необходимая и важная тема, которая обусловлена как раз значительным количеством научных исследований ученых и преподавателей высших учебных заведений, специальных академических дисциплин, но и практическим аспектом сосуществования членов общества в рамках государства и глобального пространства, когда необходимо определить, как обеспечить порядок в обществе; какие права могут быть ограничены, а какие нет; каков должен быть процедура такого ограничения; как внедрить институт ограничения прав и свобод человека и гражданина и при этом соблюдать такие правовые принципы, как баланс интересов личности, общества, государства, верховенства закона, законности, соразмерности, гуманизма.

Стратегия развития Российской Федерации, как следует из статьи 2 Конституции страны, имеет личностно-ориентированный характер. Отсюда вытекает тот факт, что вопрос конституционных ограничений прав и свобод личности имеет особую актуальность у ученых-правоведов. Также ученые активно занимаются разработкой и поиском новых путей методологической направленности для решения данного вопроса [23].

Отметим тот факт, что из-за довольно большой популярности в ученых кругах, вопрос ограничения субъективных прав и свобод личности часто становится ключевым в рамках научных исследований. Анализируя многочисленные окончательные позиции Конституционного Суда Российской Федерации в рамках исследуемой темы, делаем вывод, что на сегодняшний день существует перманентное нарушение, в том числе и всестороннее ограничение прав человека. Эти факты говорят о том, что тема очень актуальна и нуждается в дальнейшей разработке, особенно в направлении разработки и поиска новых способов исправления данной ситуации [2, с. 64].

Рассматривая этимологическую сторону исследуемого вопроса, видим, что существует две точки зрения. Первая точка зрения основывается на справочной литературе, которая дает следующее толкование: «Ограничение – это удержание в определенных пределах/рамках, сдержанность». Вторая точка зрения основывается уже на современной лингвоспециализированной литературе, которая настаивает на том, что ограничение – это своего рода изъятие, которое определенным образом ограничивает любого рода права и свободы личности [7, с. 139].

Вопрос, который рассматривается в рамках данной магистерской диссертации, – это конституционные права и свободы личности. Известно, что право в объективном смысле, то есть непосредственно правовые нормы, по своей сути являются регулятором общественных отношений между государством, личностью и обществом универсального характера. На основании этого утверждения мы поддерживаем точку зрения, согласно

которой право, в частности правовые нормы, по своей сути представляющие из себя своего рода регулятора отношений между государством, личностью и обществом, само по себе содержит множественные требования ограничительного характера по отношению к участникам, задействованным в рамках данных отношений. В связи с этим мы не можем не согласиться с точкой зрения Т.Я. Хабриева, который в свою очередь был уверен, что свобода индивидуума в определенной мере является естественным ограничителем любого существующего закона [141, с. 6].

Любые общественные отношения регулируются посредством правовых норм и мер принудительного порядка. Правовое регулирование выступает своего рода формой активного воздействия правовых норм на связи социального характера. Таким образом, оно [правовое регулирование] оказывает непосредственное влияние на установление конкретных субъективных прав и обязанностей, а также на ограничение прав личности. На основании этих утверждений вытекает тот факт, что на сегодняшний день существует противоречие в рамках правового явления в вопросе конституционного ограничения прав и свобод личности [91, с. 54].

В рамках теории права общепринятая практика вместе с «ограничениями» употреблять прилагательное «правовые». На основании этого «правовые ограничения – это правовое сдерживание незаконного деяния, которое создает условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; установленных в праве границ, в пределах которых лица должны действовать; исключения определенных возможностей в их деятельности» [91, с. 56].

Анализируя определение, которое приведено выше, невозможно определить, в чем же заключается разница между такими понятиями, как «ограничение в праве» и «правовое ограничение». Исходя из данного определения, можно сделать предположение, что оба этих понятия синонимичны и взаимозаменяемы. Также оба этих понятия в рамках определения имеет в качестве своей цели предотвращение отрицательных

факторов, например, совершение действий противозаконного характера, охрану и удовлетворение интересов как отдельного индивида, так и всего общества в целом [91, с. 59].

Мы считаем, что очень важно отметить те отграничения содержательного характера, которые существуют в рамках этих понятий. Так, например, первое понятие охватывает больший масштаб правового вопроса в отличие от второго понятия, а именно «ограничение в праве». Общеизвестный факт, что с определенной точки зрения право как социальный регулятор выступает в качестве идеи свободы объективного характера. Однако не стоит упускать из виду, что сам по себе факт применения норм поведения запрещающего, предписывающего и дозволяющего характера, является по сути ограничением свободы человеческой деятельности. В этом случае считаем необходимым обратиться к высказыванию И.А. Стародубцева, который считал, что «там, где свобода отдельного лица не ограничивается никакими правилами и предписаниями, там не существует вообще никакого права; существенный признак права – норма или правило, ограничивающее свободу» [108, с. 31]. Также обратим внимание на слова Ю.Н. Андреева в отношении данного вопроса. Он считал, что «именно праву, а не какому-либо иному социальному институту, «дано быть умерителем» свободы человека, ее гарантированным носителем, определителем ее границ, способом переключения в творческую, созидательную активность» [4, с. 55]. На основании вышесказанного отметим, что в конкретных случаях необходимо использовать выражение «правовое ограничение» за исключением физических, религиозных и т.п. А понятие «ограничение в праве» следует применять в том случае, когда имеется в виду некое ограничение в рамках той или иной отрасли права, которые были установлены непосредственно представителями властных структур: законодателем, судом, например. Что касается нашей точки зрения, то, несомненно, мы склонны рассматривать данную проблематику в свете понятия «ограничений в праве» [98, с. 100].

Отметим также и то обстоятельство, что на сегодняшний день отсутствует конкретное и однообразное определение данного правового понятия. По высказываемым мнениям ученые подразделяются на два лагеря. Особо следует выделить оригинальную точку зрения такого ученого-правоведа, как Ю. Кулакова, который считает, что «конституционным ограничением основных прав и свобод выступает частичная, в отличие от нуллифицирующей отмены и существенно изменяющего «умаления», модификация их содержания, осуществленная нормативно-правовыми установлениями надлежащего уровня (федеральный закон), соразмерно обеспечивающая необходимую защиту определенных конституционных ценностей» [25, с. 17].

В рамках данных мнений не будем углубляться в описание целей, которые стоят перед ограничением в правах и свободах личности, но отметим тот факт, что в рамках данных высказываний присутствует доля абстракционизма, в частности, важно понимать, что в качестве «определенных конституционных ценностей» может выступать не только сама личность, но также и по отдельности взятые элементы конституционного строя. Обратим внимание на то, что в данном случае вводится понятие «защита», что наталкивает на мысли о том, что определенные ценности на конституционном уровне уже были нарушены тем или иным образом. А если рассматривать ограничения прав и свобод личности, то они имеют первостепенную превентивную цель [25, с. 18].

Вернемся к двум противоположным мнениям ученых-правоведов в отношении ограничения прав и свобод личности. Следует отметить важный фактор, который заключается в том, что первое мнение не опирается на ограничение как некое изъятие. В данном случае очень кстати упомянуть высказывание В.Н. Агеева, который говорил: «Ограничения – это границы, наличествующих у лиц прав, которые характеризуют результат юридического регулирования» [1, с. 36]. Такого же мнения придерживается и С.А. Бурьянов [6, с. 20]. Следовательно, в данных конкретных случаях

подразумевается, что разговор идет об установлении пределов права субъективного характера опосредованно через механизм правового регулирования.

Второе мнение, напротив, исходит из приравнивания ограничения к своего рода изъятию. Так, можно отметить слова С. Чаннова, который считает, что «Ограничение – это изменение содержания или объема действия нормы права, где изменение, типично, представляется изъятием отдельных правомочий, в совокупности составляющих нормативное содержание права» [143, с. 16]. По мнению С. Чаннова, ограничения есть своего рода изъятия из статуса личности конституционного уровня, которые вытекают непосредственно из самой Конституции, а также из законодательства федерального уровня [143, с. 17].

Как и у любой другой позиции, у этой также существует категория ученых-правоведов, которые являются оппонентами. Так, например, в качестве оппонента выступает Ю.Н. Андреев. Он считает, что «Ограничение прав – это установление границ (пределов) их реализации и осуществления, предусмотренных законом в публичных и частных интересах, сдерживающих (стесняющих) полномочия правообладателей с помощью ограничительных мер (запретов, обязываний, приостановления и т.п.) с целью гармоничного сочетания общественных, государственных и частных интересов» [4, с. 17].

Таким образом, по мнению Ю.Н. Андреева, ограничение конституционных, то есть основополагающих, прав и свобод личности не может быть сопряжено с таким процессом, как изъятие разного рода правомочий из правового статуса личности. В таком случае мы можем говорить только лишь о некотором стеснении/притеснении, но никак не изъятия, так как в таком случае наблюдалось бы незаконное лишение права в целом [4, с. 19].

Ю.Н. Андреев настаивает на том, что изъятия из правового статуса личности никак не могут отождествляться с ограничениями прав и свобод личности. Ю.Н. Андреев исходит из той позиции, что статус личности на

конституционном уровне это цельный, неделимый комплекс прав и гарантий, законных интересов и принципов, которые неотъемлемо принадлежат личности [4, с. 25]. Это означает, что, несмотря на все те ограничения, которые существуют в рамках Конституции Российской Федерации, правовой статус личности остается единообразным и нетронутым. Говорить о некотором рода ущемлении в правах имеет смысл говорить только в тех случаях, когда личностью было совершено какое-либо противоправное деяние. В таком случае ущемление является естественным результатом ответственности за совершение такого деяния [4, с. 30].

Осмелимся не согласиться с мнением, высказанным Ю.Н. Андреевым, так как исходя из этимологического значения понятия «изъятия» это то же самое, что и исключение или устранение [4, с. 33].

Справедливости ради следует сказать, что при некотором изъятии какого-либо права или правомочия нельзя говорить о тотальном разрушении правового положения личности на конституционном уровне. Но важно об этом говорить в том ключе, если эти ограничения применяются в целях статусного или режимного характера [9, с. 10]. При таких обстоятельствах личности, которая желает сохранить и обеспечить целостность своего конституционного положения, необходимо выполнять все условия, которые устанавливаются на законодательном уровне в разного рода общественных отношений. Как результат мы имеем то, что, не нарушая целостность конституционного положения личности, в сугубо определенных целях могут проводиться изъятия из правового статуса. Это происходит на определенный промежуток времени или в определенного рода ситуациях [8, с. 34].

Так, в одном из своих решений Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул: в целях, строго установленных статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, допускается ограничение права на свободный выезд за пределы территории России, а также любых других конституционных прав. Такие ограничения не могут толковаться в широком

смысле и не должны приводить к ограничению других видов прав, гарантированных гражданам Российской Конституцией и законами [2].

Сокращение конституционных прав – это сокращение их содержания из-за неоправданных ограничений [37, с. 14].

Международно-правовые акты, внутренние конституционные нормы упоминание термина «отступление» означает предотвращение ограничения прав конкретного лица по сравнению с правами другого лица по причинам, не предусмотренным законом, противоречащим общепризнанному стандарту прав человека, включая личные права человека, граждан и исключительные случаи [38, с. 15].

Необходимо констатировать тот факт, что нет таких основных прав, которые нельзя было бы ограничить. Даже если мы посмотрим на нормы Всеобщей декларации прав человека, начиная с ее статьи 29, становится ясно, что не существует классификации индивидуальных прав и свобод, которая позволяла бы ограничивать одни права и не распространять ее действие на другие. Логика такого подхода «подтверждается и международной правовой практикой. В конвенции о защите основных прав и свобод (статья 15, пункт 1,2) право участников на отступление от своих обязательств признается в той мере, в какой это обусловлено исключительными обстоятельствами (а не существованием специального правового режима)» [1, с. 39].

Что касается невозможности ограничения определенного количества прав, перечисленных в части 3 статьи 56, то «это связано с конституционным содержанием этих прав, которое предусматривает возможность их ограничения даже при нормальных правовых условиях. Однако в этом вопросе крайне важно учитывать специфический условный характер ограничений, который выражает их суть и определяет их принципиальную вседозволенность» [11, с. 4].

В настоящее время сформирован ряд доктринальных принципов и положений, которые «могут выступать в качестве критериев для

законотворческой и правоприменительной деятельности в области ограничения прав и свобод человека и гражданина. Наиболее важными из них должны быть ссылка на закон и законность; минимальная достаточность или соразмерность; сохранение существенного содержания прав и свобод; целесообразность и пределы ограничения существующих различных отношений в обществе; баланс интересов личности, общества, государства; демократия и цель в установлении пределов ограничения; ограничение по времени; равенство в применении ограничений; дифференциация применяемых ограничений и индивидуальность» [150].

Принцип формального равенства выражает сущность права как специфического социального явления и характеризуется фундаментальной, универсальной и применимой основой для любого основания субъективного права, что позволяет установить пределы его применения. Ряд статей Конституции России прямо или косвенно говорят о равенстве субъективных прав. Их ключевым моментом является статья 19 [23].

Суть принципа формального юридического равенства заключается в отсутствии каких-либо преимуществ для любого человека по отношению к другим людям в области права. Этот принцип устанавливает пределы осуществления прав и свобод человека и гражданина (общие пределы правового регулирования) [29, с. 7].

Один подход должен быть абсолютно неприемлемым, когда конституционное право-гарантия прописано в действующем законодательстве, предусматривающем возможность его использования для одной категории лиц и невозможность для другой. Такое правовое регулирование приводит к дискриминации легальных пользователей, что означает нарушение конституционного принципа равенства [29, с. 11].

В этой связи, когда речь идет об ограничении основных прав федеральным законом, следует, что такие ограничения не могут выходить за рамки осуществления прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Следовательно, они не должны нарушать принцип

равенства обладателей этих прав; не следует вводить дополнительные гарантии против злоупотребления правами, но могут быть указаны только гарантии, установленные Конституцией [23].

Если рассматривать положение части 3 статьи 55 Конституции России с этой точки зрения, то «содержащиеся в ней положения не являются перечнем самостоятельных оснований, ограничивающих законом субъективные права и свободы, а выступают дополнительным препятствием против произвольного вмешательства федерального закона в компетенцию из Учредительного акта страны. Из нормы следует, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в федеральном законе, сфера действия которого уже ограничена конституционными пределами осуществления прав, только для определенных целей и только пропорционально этим целям» [23].

Мы подчеркиваем, что «целевые нормативные акты, касающиеся ограничений прав и свобод человека и гражданина, строго определены законодательным перечнем. По этой причине произвольное расширение таких целей запрещено [24]. Однако способы (формы) ограничения прав и свобод могут быть различными: а) относительный запрет, заключающийся в установлении поведенческих ограничений (запрет определенного варианта осуществления права или свободы); б) абсолютный запрет вообще запрещает осуществление права (свободы); в) вмешательство уполномоченных государственных органов в права и свободы личности (характеризуется активностью действий со стороны государственных органов и пассивным отношением личности); г) обязанность; д) ответственность» [35, с. 20].

Ограничение прав и свобод только на основе Конституции – правило, действующее в современном российском праве [23].

Ограничения прав и свобод человека и гражданина необходимо «отграничивать от смежных правовых явлений, например от неполно реализованных прав. Представляется, в условиях демократизации общества реализация прав и свобод личности объективно обусловлена уровнем

экономического, социального, политического, духовно-культурного развития общества. Например, нереализация свободы труда по объективным причинам в условиях безработицы, с одной стороны, неправомерна» [142, с. 7].

Однако в условиях сложной экономической ситуации права и свободы в принципе не могут быть реализованы в полной мере. В качестве неправомерной можно представить «неполную реализацию непосредственно действующих конституционных прав человека и гражданина, например, в связи с диспропорцией доходов. В этом случае речь идет не об ограничениях, а касается непоследовательно и неполно реализованных прав и свобод человека и гражданина, которые приобретают формальный характер» [107, с. 21].

Подводя итоги осуществленного исследования, и ориентируясь на необходимость поиска новых научных изысканий в решении практических проблем ограничения субъективных прав, предлагаем свое видение на формулирование ограничения прав и свобод человека. Это – конституционно обусловленная, нормативно определенная, процессуально-конкретизированная система изъятий из юридического положения лица в статусных, режимных или иных целях.

В юридической литературе имеются различные подходы к классификации ограничений в праве.

Так, на основе широкого понимания прав и правоотношений, В.В. Долинская указывает на «ограничения:

- по цели,
- по субъекту;
- по объекту;
- по основаниям возникновения и прекращения,
- по правомочиям;
- отраслевые и т.д.». [107, с. 22].

Как уже отмечалось, «ограничения прав применяются в целях защиты частных и публичных интересов (законных интересов личности, общества и

государства). Данные целеполагания изложены в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ» [23].

Исходя из субъективного состава лиц, в отношении которых предпринимаются ограничительные действия (нормы), можно сделать вывод, что «существуют различные ограничения прав физических лиц, иностранцев, служащих, должностных лиц и т.д. ограничения, которые применяются в равной степени ко всем лицам, и ограничения, которые направлены только на конкретных лиц» [106, с. 14].

Исходя из формы (источников) права, ограничения прав могут быть предусмотрены международно-правовыми актами, общепризнанными принципами международного права, Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и осуществляться с помощью других правовых актов, а также судебных решений [104, с. 32]. Существуют различные конституционно-правовые ограничения (ограничения конституционных прав и свобод), отраслевые, межотраслевые ограничения прав. В то же время Конституция Российской Федерации не ограничивает основные права, а лишь определяет имманентные границы – нормативное содержание, границы и условия полномочий. Эти пределы определяются конституционной системой, и они должны быть идентичны ей. Права, предоставленные гражданину Конституцией Российской Федерации, являются существенными, но не неограниченными. Поэтому точное определение этих пределов – большая и важная работа [105, с. 30].

В целом можно сделать вывод, что суть ограничения прав и свобод гражданина заключается в установлении определенных барьеров, препятствующих реализации его конституционных прав и свобод. Ограничение всегда характеризуется установленным пределом свободы индивида, и субъект не должен нарушать «отмеренные» пределы, поскольку существует риск вмешательства в интересы других людей, которые также предусмотрены законом [105, с. 31].

Проблема ограничений прав и свобод человека, закрепленных в ЕКПЧ, наиболее полно реализуется в Соединенном Королевстве, которое является одной из десяти стран-основателей Совета Европы.

Следует, конечно, отметить, что в британском законодательстве нет единой классификации прав и свобод граждан. Как правило, права и свободы – это, прежде всего, индивидуальные права, которые могут быть ограничены государством в силу договора. Это означает, что каждый может делать то, что прямо не запрещено законом [103, с. 59].

Кроме того, при изучении прав человека и основных свобод в Великобритании также следует учитывать специфику правовой системы страны, поскольку международные конвенции на ее территории не имеют прямого действия. То есть лица, находящиеся на территории этой страны, не могут напрямую ссылаться на международно-правовые акты в части обеспечения своих прав и основных свобод, за исключением Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, для чего был принят Закон о правах человека 1998 года (далее – Закон) [3].

В соответствии с этим Законом положения ст. 1-12 и ст. 14 Конвенции, ст. 1-3 Протокола № 1 и ст. 1-2 Протокола № 6 к Конвенции были имплементированы в национальное законодательство. Также в нем предусмотрены обязанности государственных органов, которые обязаны обеспечивать соответствующие права.

Механизм реализации Закона был построен на классической британской конституционной модели с модернизацией новых подходов. ЕСПЧ был включен в правовую систему Великобритании без установления специального режима применения конвенционного права британскими судами. Следует отметить, что инкорпорация не придала Конвенции статуса основополагающих норм, которые права человека имеют в правовых системах других государств, таких как Чешская Республика, Германия, Польша и т.д. [10, с. 71].

Согласно статье 10 Закона, каждый человек имеет право на свободу выражения мнений. Это право включает свободу думать, получать и передавать информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных властей и независимо от границ. В то же время, подпункт 2 той же статьи говорится, что осуществление этих свобод может быть предметом таких формальностей, условий, ограничений или наказаний, которые предусмотрены законом и необходимы для демократического общества, в интересах национальной безопасности, территориального беспорядка или для защиты здоровья, нравственности, репутации, или права других лиц, для предотвращения разглашения информации, полученной в тайне, или для сохранения авторитета и беспристрастности судебной власти [127].

Это положение было подкреплено судебной практикой ЕСПЧ по делу «Обсервер энд Гардиан против Соединенного Королевства».

Суть дела заключалась в том, что газеты Guardian и Observer опубликовали выдержки из книги Питера Райта «Ловец шпионов», в которой содержались утверждения о том, что MI5 действовала незаконно.

Правительство Великобритании получило судебный приказ, запрещающий газетам печатать дополнительные материалы до тех пор, пока не закончится процедура сохранения тайны. Но когда книга была опубликована, The Guardian пожаловалась, что продолжение судебного приказа нарушает право на свободу слова. В этой связи ЕСПЧ постановил, что постановление суда было законным, поскольку оно полностью отвечало интересам национальной безопасности. Однако ЕСПЧ также отметил, что этого было недостаточно для продолжения запрета на публикацию газет после публикации книги, поскольку информация по-прежнему не является конфиденциальной. По сравнению с Великобританией, в континентальной Европе, в частности, в Германии и Испании, на уровне конституций обеих стран существует значительно больше конституционных ограничений прав и свобод человека, которые могут применяться только по закону.

В Германии на уровне Конституции от 23 мая 1949 года был установлен ряд конституционных ограничений прав и свобод человека. Например, статья 8 регулирует, что право граждан Германии на мирные собрания без предварительного ходатайства или ограничения разрешения может быть введено только законом или на основании закона. Те же условия предусмотрены в статье 10 «об обеспечении тайны переписки, наряду с тайной почтовых и телеконференций. То есть ограничения могут быть установлены только на основании закона. Этот закон может установить, что о таких ограничениях не сообщается заинтересованному лицу, если они направлены на защиту основ свободной демократической системы или существования или сохранения Федерации или какой-либо земли. Судебная процедура заменяется проверкой специальными и вспомогательными органами, назначаемыми народным представительством» [147].

Некоторые случаи ограничения прав человека связаны с неприкосновенностью жилища. Такие ситуации могут иметь место только для предотвращения общественной опасности или опасности для жизни отдельных лиц, а также на основании закона для предотвращения непосредственной угрозы общественной безопасности и порядку, в частности, для устранения необходимости в жилье, борьбы с эпидемиями или защиты молодежи от будущей опасности [152].

В целом, анализируя те положения Конституции Германии, которые непосредственно касаются ограничений прав человека, можно отметить, что права человека могут быть ограничены только законом или на основании закона. Более того, этот закон должен носить общий характер и не применяться к отдельному делу.

Конституция Испании от 27 декабря 1978 года, например, в статье 16 гарантирует свободу идеологии, религии и отправления культа отдельным лицам и сообществам без каких-либо ограничений на их выражение. В то же время могут применяться ограничения, необходимые для поддержания общественного порядка, охраняемого законом. Эти правила также

применяются к получению информации любыми способами (статья 20). Закон регулирует использование этого права с учетом ограничений, налагаемых требованиями морали и сохранения профессиональной тайны при осуществлении этих прав.

В то же время Основной закон Испании предусматривает, что право на свободный выбор места жительства и передвижения по своей территории, а также право на свободный въезд/выезд в Испанию и из Испании не могут быть ограничены по политическим или идеологическим причинам (ст. 19). Основной закон Испании не предусматривает ограничений прав и свобод человека в широком смысле. Эти ограничения, установленные в конституциях Испании и Германии, отражают основные подходы к формулированию ограничений прав человека в странах Западной Европы.

Конституции Скандинавии имеют свою собственную модель исключений для обеспечения конституционных прав и свобод человека. Скандинавские страны исторически связаны и характеризуются такими чертами демократического развития, как равенство, устойчивость, государство всеобщего благосостояния и однопалатная форма правления [36, с. 14].

Ограничения конституционных прав распространяются также на право на свободу слова (пункт 12).

Постановления Государственного Совета, касающиеся временных ограничений, должны быть немедленно направлены на рассмотрение парламента. Парламент может принимать решения о действительности резолюций. Других положений, регулирующих введение государством ограничений, предусмотренных Конституцией страны, нет.

Что касается Конституций Норвегии и Дании, то в текстах обоих документов не говорится об ограничениях прав человека как политического, так и экономического характера.

1.2 Генезис конституционно-правового регулирования ограничений прав и свобод человека и гражданина

Невозможно себе представить себе современное сообщество абсолютно без всяких ограничений прав и основных свобод человека и гражданина. Даже если и представить себе такое, то скорее всего в мире воцарился бы хаос, при котором каждый мог бы делать все, чего бы ни пожелал. Таким образом, приходим к выводу, что разумные ограничения прав и свобод в современном обществе являются необходимостью в процессе взаимодействия людей друг с другом. Наличие разумных ограничений обосновано важностью и некоего рода необходимостью соблюдать и уважать права и основные свободы каждой личности. А также это обосновано необходимостью здорового взаимодействия государства и человека, равно как и любого другого отдельно взятого коллектива. В силу данных обстоятельств вектор изучения в рамках данной исследовательской работы будет направлен на изучение генезиса ограничений прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации. В основу исследования легли теоретические, а также нормативно-правовые аспекты по данному вопросу.

Начать следует с очевидных вещей, а именно с того, что поначалу высказывания о малейшем допуске ограничения конституционных прав ученые-правоведы жестко и категорично критиковали. От одного учебника к другому передавалась мысль, что существует только две категории относительно каждой статьи конституции: категория, провозглашающая само право, и категория, предусматривающая нарушение провозглашенного права. Это пошло еще от позиции учения, которое пропагандировал Карл Маркс, высказываясь о французской конституции в версии 1852 года [38].

«Свежие нотки» в данный вопрос внес Г.В. Мальцев в 60-х годах 20 века. Суть новых теоретических суждений, касающихся расстановки приоритетов между личностью и государством, заключалась в том, что:

– введение ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина в определенных ситуациях жизненно необходимы и крайне разумны;

– суть взаимоотношений личности и государства заключалась в беспрекословном и полном содействии и обеспечении свободы индивида.

Данные утверждения стали первой попыткой и положили начало формированию приоритета интересов и прав личности над интересом и суверенитетом государства. Несомненно, что в действительности данные высказывания радикально отличались о примате государственных интересов современности [121].

Напомним, что данные действия происходили в условиях тоталитарного режима. Это означает, что подобного рода высказывания были единичными и были способны дать толчок дальнейшему развитию данных суждений в более широких массах. И как результат, только спустя довольно продолжительный период времени, правовое общество вернулось к данному суждению и развило его [83].

Довольно весомый вклад был внесен ученым-правоведом Б.С. Эбзеевым. Следует отметить, что именно Б.С. Эбзеев дал толчок развитию рассматриваемым в данной работе правоотношениям. Б.С. Эбзеев путем тщательного изучения поставленного вопроса доказал тезис, что невозможно видеть сугубо личные или общественные интересы в процессе реализации конституционного права. В качестве аксиомы рассматривалось утверждение, что человеческая свобода не есть абсолютная категория, человеческая свобода ограничена рамками социального характера. Рассматривая данную позицию, И.Э. Фарбер отметил, что подобного рода ограничения прав и основных свобод граждан есть не что иное, как предписанные правила поведения для человека, которые были выработаны обществом [39].

Внимание ученых-правоведов было сконцентрировано на том, что соотношение личности и коллектива или государства в целом является довольно многогранным явлением. В данном случае даже подразумевается

введение ограничений прав и свобод, касающихся отдельно взятого индивида.

Последние годы существования СССР стало основанием появления различного рода факторов чрезвычайного характера. В результате это стало основанием для принятия соответствующих ответных мер. В рамках исследования данного вопроса видный ученый Б.Н. Топорнин стал говорить о том, что в срочном порядке необходимо заняться разработкой правовых гарантий, которые будут направлены на реализацию и соблюдение прав и основных свобод субъекта правоотношений. Однако данные правовые гарантии должны быть разработаны, в обязательном порядке учитывая интересы государственной безопасности, а также порядка общественного характера [45, с. 21; 48, с. 105].

Но, к сожалению, данные идеи и мысли не нашли должного отражения и отклика в обществе того времени и угасли на определенное время. Данные мысли возродились только в начале 90-х годов 20 века. Возрождение суждений о допустимости вмешательства со стороны государства в сферу личных прав и основных свобод человека и гражданина совпало с началом переходного периода, когда Россия начинала обновляться. Тем самым, эти мысли существенным образом повлияли на ход мыслей того времени [83].

Такого рода переходные этапы оказывали очень важное влияние на дальнейшее развитие решения проблем. Так и в этом случае переходный этап внес значительный вклад в становление правового баланса урегулирования взаимоотношений личности и государства [8].

В рамках данного исследования следует согласиться с точкой зрения, высказанной В.В. Субочевым. Суть его позиции заключается в следующем: «интересы личности определяются имманентными законами общественных отношений и преимуществами государственно-правового воздействия над ними, точно так же, как само государство нуждается и определяется интересами личности» [40].

Следует также обратить особое внимание на то, что в Конституции РСФСР в редакции 1918 года фактически отражалось соотношение классов, как оно было в действительности. В силу данного обстоятельства в рамках данного исследования интересно изучить в отдельности статью 65. Данная статья лишала прав избирательного характера таких категорий граждан, как брокеры, частные торговцы, лица, использующие наемный труд, и те, кто живет на нетрудовые доходы, то есть Конституция ограничивала избирательное право граждан некоторых категорий. Изучая Конституцию в этой редакции, можно отметить интересный факт, что эти же категории граждан также были ограничены и в поступлении на военную службу. Это просматривается в ст. 19. Это значит, что в рамках того периода времени право защищать революцию имели исключительно рабочие люди. Но это не значит, что эта категория граждан вовсе не допускалась на военную службу. Для таких граждан был предусмотрен свой род деятельности. Общ говоря, такие люди были чем-то наподобие обслуживающего персонала, их ставили на транспорт, военное строительство и т.п. [41].

Таким образом, следует отметить интересное наблюдение. Несмотря на то, что в рамках Конституции РСФСР версии 1918 г. Избегали употребление таких слов, как «гражданин», «индивидуум», «человек», тех слов, которые бы конкретизировали субъективные ограничения, тем не менее из содержания статей Конституции становится очевидным четкий механизм, ограничивающий права субъективного характера [109].

Конституция в редакции 1924 года стала поворотным моментом в данном вопросе, а также эта редакция Конституции открыла новую страницу СССР. Фактически данная версия Конституции заменила собой Союзный договор, который был подписан на самом первом съезде Союза Советов [42].

Следует также обратить внимание на взаимосвязь, которая просматривается между Конституцией СССР 1936 года и Конституцией РСФСР 1937 года. А именно данная связь основана на местоположении глав о правах и обязанностях граждан. Данные нормативно-правовые акты были

идентичны по содержанию в отношении тех норм, которые касались вопросов ограничения прав субъективного характера с позиции недискриминации. Именно с того момента пошла практика, в рамках которой любое принижение либо возвышение человека по какому-либо дискриминационному признаку, каралось в соответствии с законом государства. Данное утверждение вытекает из статей 123 и 127 Конституций СССР 1936 и РСФСР 1937 годов соответственно [43].

В роли новеллы Конституции РСФСР 1937 года можно также выделить статью 96. Это суждение, которое заявляло о невозможности допущения ограничения прав граждан избирательного характера, было всем в новинку [84].

Особого внимания заслуживает Конституция в редакции 1978 года. Данная версия Конституции заслуживает внимания, так как содержит в себе огромное количество новых идей, отнюдь не характерных для того времени. В качестве таких новелл выступили модель развития социал-демократического режима, монопольный статус КПСС в рамках государственной политической системы, признания факта концепции государственного плюрализма, и самое современное – концепцию принципа разделения властей. В силу данных обстоятельств в рамках данной Конституции можно наблюдать положения, которые ограничивают не только права и основные свободы человека и гражданина, то есть субъективные права, но также и другие виды прав. Для того чтобы подтвердить фактами данное высказывание, необходимо указать статью 33 Конституции. Из данной статьи вытекает, что законодатель наделяется законным правом ограничивать субъективные права и основные свободы граждан в строго конкретных целях. В качестве такой цели выступает, прежде всего, защита конституционного строя, а также защита и охрана прав и законных интересов других людей в рамках демократического общества [46, с. 14].

Также здесь необходимо указать статьи 40, 42 и 43, которые содержали нормы, ограничивающие право на неприкосновенность частной жизни, на

свободу передвижения и свободного доступа к информации соответственно [44].

Таким образом, можно проследить, как постепенно на законодательном уровне происходило становление правового регулирования вмешательства государства в сферу субъективных прав человека [17].

Проанализировав генезис ограничений прав и основных свобод человека и гражданина на основе конституционно-правовых норм, это позволило нам сгруппировать события по следующим периодам:

– с 1918 по 1923 г. – этот период характеризовался точечным закреплением ограничений;

– с 1924 по 1935 г. – период, в котором не было развития исследуемого вопроса;

– с 1936 по 1976 г. – период включенно-недискриминационного характера. В рамках данного периода были закреплены положения об ограничении субъективных прав и основных свобод человека и гражданина увязке с принципом недискриминации;

– с 1977 по 1978 г. – небольшой по продолжительности промежуток времени, в рамках которого были законодательно закреплены ограничения сущностного характера;

– с 1978 по 1992 г. Период времени, в рамках которого уже можно было увидеть в определенном ключе наличие ограничений в том понимании, как мы видим это сейчас;

– с 1993 по настоящие дни. Период времени, когда в Конституции последней редакции от 01.07.2020 года содержатся абсолютно все ограничивающие нормы прав и основных свобод человека. Данные ограничивающие нормы законодатель подразделяется на сущностные, статусные и режимные [18].

Следует отметить тот факт, что установление допустимых и разумных ограничений для строго оговоренных целей находится в исключительной компетенции законодателя федерального уровня. Но не стоит думать, что

законодатель волен делать все, что ему вздумается. Вовсе нет, так как в любой момент может быть проведена проверка на соответствие конституционным нормам. В то же время не стоит забывать о том, что установленные нормы должны быть соразмерны конституционным целям данного ограничения [47].

Если подходить с другой позиции, то законодатель федерального уровня обязан гарантировать тот факт, что в отношении субъективных прав не будут устанавливаться неразумные и бесцельные ограничения. Таким образом, в компетенцию федерального законодателя входят обязанности по обеспечению реализации общих принципов в рамках данного вопроса. При помощи данного механизма установления федеральных стандартов преследуется цель недопущения злоупотребления властью со стороны законодательных органов регионального уровня. Посредством такого регулирования повсеместно обеспечивается относительная стабильность правовой системы.

Федеральные стандарты в области ограничения прав и основных свобод граждан основываются на том, что цели должны быть не только юридически, но также и социально обоснованы. А непосредственно сами ограничения субъективных прав должны быть соразмерны и адекватны целям. Также не следует упускать из виду тот факт, что устанавливаемые ограничения должны отвечать принципам правосудия. Данное утверждение вытекает из Постановления № 17-П от 20 декабря 1995 г.

Федеральные стандарты должны также учитывать тот факт, что несмотря на то, что ограничения формируются исходя из целей, установленных непосредственно самой Конституцией, эти ограничения не могут трактоваться настолько широко, чтобы ограничивать другие гражданские, политические и иные права, вытекающие из Конституции, а также в целом из действующего законодательства Российской Федерации.

В качестве своеобразного ориентира, который задает вектор развития, являются ч.ч. 1-3 ст. 55 Основного закона.

Помимо федеральных конституционных законов ограничения субъективных прав и основных свобод человека и гражданина могут устанавливаться нормативно-правовым актом в формате федерального закона либо в формате акта судебного или исполнительного органа.

Подытоживая, следует указать, что ограничения субъективных прав и основных свобод конституционно-правового характера упорядочены в строго определенной системе и состоят из:

- ограничений общего порядка. Данная категория ограничений относится к конституционно-правовому статусу. Также данная категория определяет фактически допустимые пределы ограничений субъективных прав и основных свобод и цели, которые являются законным основанием для установления данных ограничений. Данные ограничения можно наблюдать в ст. ст. 13, 19, 55 Основного закона и т.д.;

- ограничения субъекта правоотношений в силу наступления чрезвычайных обстоятельств. Такого рода ограничения можем увидеть на примере ст. 56 Конституции Российской Федерации, а также в содержании федерального конституционного закона № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 года [90];

- ограничения, которые присущи строго определенным категориям граждан в силу их специфической профессиональной деятельности. Самое интересное в этой категории то, что в отношении данных ограничений не устанавливаются допустимые лимиты [90].

Также считаем целесообразным проанализировать правовое регулирование в области прав человека международного уровня. В условиях современного времени этот аспект становится все более и более важным. Международно-правовые акты как универсального, так и регионального уровней регулируют вопросы установления ограничений субъективных прав и основных свобод, а также предусматривают механизмы с целью их защиты. Данные международные акты признаются в качестве международно-

правовых стандартов в силу той важности, которой наделены данные вопросы на сегодняшний день [88].

В рамках ограничений, предусмотренных международно-правовым регулированием, можно выделить два ключевых направления. Первое направление – это соглашения между государствами, то есть межгосударственные соглашения. В рамках данного направления отношения регулируются на уровне непосредственно двух и более государств, правительств или органов государства. Второе направление регулирует взаимоотношения по параллели «человек-государство».

Следует отметить то обстоятельство, что соглашения международного характера осуществляют регулирование положений, которые непосредственным образом связаны с ограничением субъективных прав и основных свобод человека и гражданина. В силу тех обстоятельств, что нет законной возможности предусмотреть ограничения на вмешательство государства в права и основные свободы личности, то в таком случае государство обязано соблюдать предусмотренные законодательством стандарты. Стандарты, которые являются достоверным обоснованием введенных ограничений [87].

В рамках международных стандартов существует перечень субъективных прав, а также перечень, ограничивающий в той или иной мере эти права [91].

Так, например, в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 1950 г. есть, как минимум, 4 статьи, которые устанавливают своего рода ограничения в отношении субъективных прав человека и гражданина. Так, ст. 15 регулирует отступление от соблюдения обязательств в случае чрезвычайных ситуаций. Ст.16 устанавливает ограничения в отношении иностранцев на то, чтобы они занимались политической деятельностью. Ст. 17 устанавливает запрет на злоупотребление правами, а ст. 18 устанавливает допустимые пределы ограничений. Аргументы, которые подтверждают

законные основания и обоснованность установленных ограничений, также содержатся в вышеперечисленных статьях [49].

Международно-правовые акты именуется законом, так как это единственное законное основание, позволяющее устанавливать разного рода ограничения. Данное утверждение вытекает из положений Всеобщей декларации прав человека. Так, в рамках данного документа предусматривается то, что человек в процессе реализации норм закона должен подвергаться только тем ограничениям, которые имеют законную подоплеку. Точно такие же положения дублируются в международных пактах, посвященные гражданским и политическим, а также социальным, экономическим и культурным правам [89].

Время не стоит на месте, и система международно-правовой защиты также продолжает меняться и совершенствоваться. Так, например, в рамках Копенгагенского совещания от 1990 году было закреплено положение, согласно которому помимо закона ограничения также могут устанавливаться международными стандартами соответствующего характера.

В рамках международно-правовых актов существует категория обстоятельств, на основании которых могут быть установлены ограничения определенного характера. Такие обстоятельства в международно-правовых актах именуется исключительными. К таким обстоятельствам относятся ситуации, которые тем или иным способом угрожают жизни нации государства или независимости и национальной безопасности самого государства. Это может выражаться в виде войны или введения чрезвычайного положения в государстве. Так, например, данное положение можно увидеть в ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года [50].

Таким образом, международно-правовые акты, связанные с регулированием прав и основных свобод человека и гражданина, позволяют включать положения, суть которых заключается в ограничении того или иного субъективного права. Также данные нормы позволяют государствам

отказываться от выполнения международных обязательств на законных основаниях либо приостанавливать их действие на территории своего государства. В таком случае это называется отступление от международно-правовых стандартов.

В рамках деятельности Европейской комиссии по правам человека законодателем установлен принцип «строгого толкования». Данный принцип как таковой основывается на довольно широком пояснении, чтобы избежать ситуаций, связанных с злоупотреблением государством властными полномочиями в сфере применения соответствующих ограничений. С другой стороны, «строгое толкование» подразумевает, что больше нет никаких других критериев, тем самым можно спровоцировать на установление ограничений без разбору.

Дабы устранить подобного рода недостаток, была предпринята попытка в рамках восьмого конгресса ООН. Следует отметить, что в рамках данного конгресса коллегия рассматривала вопросы, непосредственным образом связанные с применением силы и огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов. Международно-правовой документ регионального уровня, который был принят в рамках проведения Московской конференции по человеческому измерению в 1991 г., закрепил основные принципы применения силы и боевого оружия. Также в рамках данного международно-правового документа были установлены допустимые пределы применения оружия и силы, в том числе пределы были предусмотрены для ситуаций в рамках чрезвычайных ситуаций.

Подытоживая, можно сделать вывод, что под ограничением следует понимать:

– институт конституционно-правового характера в силу того, что нормы однородного характера, цель которых регулирование исследуемого объекта, содержатся как непосредственно в Конституции Российской Федерации, так и в законодательстве федерального уровня;

– систему взаимоотношений, которая возникает между человеком и государством в ситуациях, которые непосредственно зафиксированы в самой Конституции Российской Федерации и законодательстве федерального уровня;

– разновидность органов государственной ветви власти в силу того, что непосредственно данные органы являются субъектами данных правоотношений;

– рассматривается в качестве составного элемента правового статуса человека;

– основание для самоограничения в случае устройства на работу [53].

1.3 Зарубежный опыт конституционно-правового регулирования ограничений прав и свобод человека и гражданина

Правовой режим – это значимое правовое явление, которое соединяет целостный набор правовых положений. Анализ конституций зарубежных стран показывает, что большинство из них закрепляют возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного и военного положения. Примечательно, что объем таких ограничений практически одинаков как для режима военного положения, так и для чрезвычайного положения. По результатам сравнительного анализа выявлены различные подходы к процедуре определения объема ограничений на права и свободы человека и гражданина в рамках специальных режимов, предусмотренных конституциями иностранных государств, которые включают четыре преобладающие тенденции: закрепление в конституциях исчерпывающего перечня прав и свобод, которые не могут быть ограничены (прекращены) во время чрезвычайного и военного положения.

Так, статья 54 Конституции Республики Македонии от 17 ноября 1991110 предусматривает, что свобода и права человека и гражданина могут быть ограничены только в случаях, определенных Конституцией. Свобода и

права человека и гражданина могут быть ограничены во время военного или чрезвычайного положения в соответствии с положениями Конституции. Ограничения свобод и прав не могут приводить к дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, национального или социального происхождения, имущественного или социального статуса. Ограничения могут не распространяться на право на жизнь, запрещение пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, юридическое определение наказуемых преступлений и приговоров или свободу личного мнения, совести, мысли и религиозных убеждений.

Работа над текстом Конституции Республики Македония началась до распада социалистической Югославии в 1991 году [3, с. 219]. Наиболее важный спор при разработке Конституции был связан с описанием Македонии как «государства граждан» (все граждане пользуются равными правами) или как «национального государства» (привилегии предоставляются Македонцев над другими группами национальностей, проживающих в стране) [4, с. 108]. Составители Конституции применили компромиссную формулу, определив страну как национальную в преамбуле и закрепив равные права и обязательства всех национальностей в тексте. Этот регламент сохраняет название «Конституция Республики Македония», несмотря на изменение названия страны (первоначально – Бывшая Югославская Республика Македония, затем – Северная Македония). Изменения объясняются политическим и правовым конфликтом между Македонией и Грецией, где последняя «настаивает на своем владении авторскими правами на название «Македония» [5, с. 288]. То бывшая югославская Республика Македония была официальным названием, используемым с 1993 года в ООН [6, с. 144]. В 2018 году правительства Греции и Республики Македония пришли к консенсусу относительно названия страны, в результате чего македонская партия сменила свое название на Республику Северной Македонии.

Статья 44 Конституции Республики Армения устанавливает, что «некоторые основные права и свободы человека и гражданина – за исключением тех, которые упомянуты в Статьи 15, 17-22 и 42 Конституции – могут быть временно ограничены, как это предусмотрено законом, во время военного положения или чрезвычайного положения, в рамках международных обязательств, принятых в отступление от обязательств в чрезвычайные ситуации» [18, с. 57].

В 2005 году в Конституцию Республики Армения были внесены поправки [7, с. 61]. Эти изменения стали предпосылкой для развития новой судебной системы в стране. Эффективность и действенность судебной защиты является гарантией неприкосновенности прав человека при специальных режимах. Судебный кодекс, который обобщает все подходы и принципы судебной системы и который призван обеспечить судебно-правовые реформы, является уникальным документом, не имеющим мировых аналогов [8, с. 311].

Новая судебная система Армении признает прецедентное право, одинаковое разрешение судебных споров в делах с аналогичными фактическими обстоятельствами. Источником прецедентного права в Армении считаются решения Европейского суда по правам и Кассационный суд Армении [9, с. 23]. Согласно статьям 23 и 63 Конституции Республики Беларусь, «ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, а также прав и свобод другие. Осуществление прав и свобод личности, предусмотренных настоящей Конституцией, может быть приостановлено только в условиях чрезвычайного или военного положения в соответствии с процедурой и пределами, определенными Конституцией и законом. При осуществлении конкретных мер во время чрезвычайного положения права, предусмотренные частью 3 статьи 24, статьей 25, статьями 26 и 31 Конституции, не могут быть ограничены» [9, с. 31].

Механизм реализации института ограничения прав человека в интересах государства в Республика Беларусь приобретает особое значение в 2020 году на президентских выборах страны на 6-й срок полномочий. Как отметил М. Бриусис, А. Лукашенко является президентом страны уже 26 лет. Это означает, что он находится у власти на постсоветском пространстве дольше, чем нынешние де-факто правящие главы государств, за исключением Эмомали Рахмона в Таджикистане [10, с. 150].

Статья 35 Конституции Республики Беларусь гарантирует свободу собраний. Однако, по словам М. Рохов, это право нарушено, что говорит о том, что Конституция – это формальность. Эта особенность часто встречается в авторитарных режимах, но она становится особенно важной для персоналистских режимов, где правитель может нарушать правила по своей воле [11, с. 131].

Согласно отчету Европейского союза по правам человека: «наиболее часто используемым инструментом правления режима в Беларуси являются «мягкие» репрессии: это ограничения, которые призваны превентивно помешать оппозиции получить влияние на социальные процессы в стране. Режим систематически ограничивает свободу собраний, выражения мнений и ассоциаций». При определении значимости и уровня влияния мирных собраний людей на развитие демократического режима в стране стоит сослаться на мнение Э. Ченовича, который обосновал взаимосвязь между демократической борьбой за власть и активным, добровольным участием населения страны в выборах с использованием пример того, как закон физики: импульс равен массе, умноженной на скорость ($p = mv$). Это приближается к закону физики и предполагает, что импульс несогласия граждан с текущим политическим и правовым режимом является продуктом участия граждан (массовость) и количества акций протеста в неделю (скорость) [12, с. 1090].

То есть систематические незаконные и недемократичные ограничения свободы собраний и выражения мнений в конкретной стране в конечном

счете определяют отсутствие какого-либо влияния населения страны на политические и правовые органы власти страны.

Статья 6 Закона Республики Беларусь «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь» также обращает на себя внимание, возлагая на институты гражданского общества обязанность оплачивать государственные функции по поддержанию правопорядка во время митингов, проводимых правоохранительными органами органов государственной власти.

Таким образом, решение о разрешении или запрете проведения массового мероприятия руководителем местного исполнительного и распорядительного органа принимается с учетом оплаты услуг по охране общественного порядка, предоставляемых органами внутренних дел, расходов, связанных с медицинским обслуживанием, уборкой территории после проведения на ней массового мероприятия.

Статья 54 Конституции Республики Молдова устанавливает, что законы, запрещающие или умаляющие права человека и гражданина и основные свободы, не могут быть приняты в Республике Молдова. Осуществление прав и свобод не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом, соответствуют общепризнанным положениям международного права и необходимы в интересах национальной безопасности, территориальной целостности, экономического благополучия страны, общественного порядка, предотвращения массовых беспорядков и преступления, для защиты прав, свобод и достоинства других лиц, для предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или для поддержания авторитета и беспристрастности правосудия. Эти положения не допускают ограничений прав, провозглашенных в статьях 20-24 Конституции.

Вопрос об ограничении прав человека в Республике Молдова в рамках специальных правовых режимов становится актуальным в контексте существования самопровозглашенных Приднестровская Молдавская

Республика на территории государства, непризнанного международным сообществом.

Иногда право или свобода ограничиваются исключительно с целью, которая не предписана Конвенцией. В равной степени возможно, что ограничение применяется как для скрытой цели, так и для цели, предписанной Конвенцией, так что считается, что оно преследует множество целей.

Таким образом, при рассмотрении утверждения в соответствии со статьей 18 Суд должен установить:

- было ли ограничение права или свободы заявителя применено со скрытой целью;
- преследовало ли ограничение как цель, предписанную Конвенцией, так и скрытую, то есть имело ли место множество целей;
- какая цель была преобладающей.

Суд может также исходить из предположения, что ограничение права или свободы заявителя преследовало законную цель, и рассматривать дело с точки зрения потенциального множества целей.

Например, в деле Азизов и Новрузлу против Азербайджана, 2021 год, Суд не смог рассмотреть вопрос о том, преследовало ли содержание заявителей под стражей законную цель, предусмотренную пунктом 1 статьи 5, поскольку жалоба на это материальное положение, взятое само по себе, была признана неприемлемой по процессуальным основаниям (неисчерпание внутренних средств правовой защиты). Суд решил не рассматривать этот вопрос отдельно в соответствии со статьей 18. Суд исходил из предположения, что существовала законная цель, которая привела к рассмотрению дела на основе потенциального множества целей, стоящих за содержанием заявителей под стражей.

Ограничение может быть совместимо с основным положением Конвенции, которое разрешает его, поскольку оно преследует цель, допустимую в соответствии с этим положением, но все же нарушает статью

18, поскольку предписанная цель, хотя и присутствовала, на самом деле была просто прикрытием, позволяющим властям достичь посторонней цели, которая была главным фокусом их усилий Мерабишвили против Грузии от 28.11.2017). Другими словами, если будет установлено, что ограничение также преследовало скрытую цель, нарушение статьи 18 будет иметь место только в том случае, если скрытая цель является преобладающей.

В деле Луценко В. Украина, 2012 год, вскоре после смены власти, заявителю – бывшему министру внутренних дел и лидеру оппозиции – было предъявлено обвинение в злоупотреблении служебным положением. Вскоре после того, как газета опубликовала интервью, в котором он отрицал выдвинутые против него обвинения, он был заключен под стражу до суда. Его содержание под стражей не преследовало какой-либо цели, предусмотренной Конвенцией, поскольку ни одно из оснований, выдвинутых властями, не было признано Судом совместимым с требованиями пункта 1 статьи 5. Кроме того, тот факт, что общение заявителя со средствами массовой информации было прямо указано в качестве одного из таких оснований, ясно продемонстрировал попытку властей наказать его за публичное оспаривание выдвинутых против него обвинений, что квалифицировалось как скрытая цель, противоречащая статье 18 в сочетании со статьей 5.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, по сравнению с двумя вышеупомянутыми актами универсального уровня, значительно расширила сферу ограничений индивидуальных прав. Согласно нормам этого Закона, «ограничения, среди прочего, вводятся в следующих целях: сохранение государственной и общественной безопасности или экономического благополучия страны; предотвращение беспорядков или преступлений; защита здоровья или морального духа населения (статьи 8-9); защита территориальной целостности; защита репутации других лиц; предотвращение разглашения конфиденциальной информации; поддержание авторитета и беспристрастности судебной власти (статья 10)» [54].

В рамках международно-правовых актов существует категория обстоятельств, на основании которых могут быть установлены ограничения определенного характера. Такие обстоятельства в международно-правовых актах именуются исключительными. К таким обстоятельствам относятся ситуации, которые тем или иным способом угрожают жизни нации государства или независимости и национальной безопасности самого государства. Это может выражаться в виде войны или введения чрезвычайного положения в государстве. Так, например, данное положение можно увидеть в ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года [50].

Хартия основных прав ЕС – это лишь самый последний региональный каталог индивидуальных прав. Понятие «права» является обычным явлением; однако, чтобы правильно понять это понятие, необходимо задать более глубокие вопросы: откуда берутся «права»? Где они должным образом закреплены? Существуют ли какие-либо ограничения для «прав»? Если да, то что это такое и где их можно найти? Какие оправдания являются убедительными? [55]

Широко распространено мнение, что концепция прав человека проистекает из доктрины естественных прав, которая гласит, что люди имеют право на основные права, помимо тех, которые предписаны законом просто в силу того, что они люди, наделенные симпатией и психологическим воображением. Идея прав человека является неотъемлемой частью либерального кредо, поскольку она больше относится к состоянию чувств, а не к законодательному положению. Позитивное проявление права в области прав человека можно проследить на протяжении сотен лет через развитие правовой истории многих западных стран, которые постепенно признавали, что права человека не могут быть созданы или предоставлены, но прочно основаны на базовом достоинстве, кажутся соблюденными и равноправными каждого человека [19].

Также заслуживает упоминания принцип недискриминации по признаку религии, разработанный различными договорами между странами и декларациями внутри стран, такими как Вестфальский договор между католиками и протестантами в 1648 году, гарантии Турции России в отношении православных христиан в Кучук-Кайнарджийском договоре 1774 года или Наполеоновский договор. Освобождение евреев, в частности, право на эмиграцию для лиц, исповедовавших религию, отличную от религии их феодала, рассматривалось некоторыми как первое право человека. Такие элементы и заявления о правах человека постепенно превратились в более всеобъемлющее международное право прав человека [56].

Французская декларация прав человека и гражданина 1789 года, возникшая в результате Французской революции, является гораздо более полным выражением прав человека, чем то, что было найдено в раннем английском праве. Однако первое юридическое принятие каталога прав было принято по другую сторону Атлантики.

Билль о правах Вирджинии от 12 июня 1776 года впервые выразил идею естественных прав человека; 4 июля 1776 года сразу же последовала Декларация независимости Соединенных Штатов. После дальнейшей формулировки прав в конституциях других штатов поправки к «Биллю о правах» 1791 года к Конституции США установили первое позитивное юридическое признание прав, которые были универсальными в их применении ко всем гражданам страны. В настоящее время конституции большинства стран содержат обширный каталог прав [57].

Движение просвещения, а также работы Гуго Гроция и Джона Локка 17-го века; работы Жан-Жака Руссо 18-го века, Томаса Пейна и Эдмунда Берка; и работы Джона Стюарта Милля 19-го века. В частности, немецкий философ Иммануил Кант внес существенный вклад в концепцию и сущность прав. В 1785 году он выразил мнение, что мы, как человеческие существа, всегда должны относиться к человечеству со свободой и равенством, без

того, чтобы один пытался подавить другого исключительно ради личной выгоды самым эгоистичным образом.

В то время как философия Канта идеалистически основана на принципе автономии воли «разумного существа», религиозные взгляды – в частности, католическая традиция – закрепляют права в воле Бога, поскольку Он создал человека по Своему собственному видению, утверждая, что «люди по благодати являются детьми и друзьями Бога». Бога и наследников вечной славы». Согласно католическому социальному учению, поскольку все люди наделены разумом и свободной волей, у них есть права и обязанности, вытекающие непосредственно и одновременно из их собственной природы. Точно так же эти права и обязанности являются универсальными и нерушимыми, поэтому от них нельзя отказаться. С другой стороны, эти естественные права неразрывно связаны с таким же количеством соответствующих обязанностей. Права, как и обязанности, берут свое начало в естественном праве, которое их предоставляет или предписывает. Другими словами, естественное право, предоставляя все основные права человека, в то же время налагает соответствующее [58].

Другой интересный подход к концепции свободы, который лежит в основе позитивного права в традиции гражданского права, исходит из предположения, что права гарантируют относительно автономные сферы жизни и постепенно приводят к новым событиям и социальным изменениям. Согласно этой точке зрения, индивид является «частью человеческого сообщества, не изолированной, а включенной в ряд структур и взаимодействий, которые поддерживаются законом». Эта концепция свободы включает ограничения на индивидуальные действия, а также обязательства, позволяющие «быстро адаптироваться к общественным потребностям, что приводит к ограничениям индивидуальных прав, будь то в области экономического или социального законодательства или в области частного поведения или индивидуального образа жизни.

Как ни странно, Конституция Соединенных Штатов была лучшей статьей экспорта в стране, чей бизнес – это бизнес. Она оказала влияние на многие другие конституционные порядки не только в отношении своего Билля о правах, но и в отношении фундаментальных структур власти, таких как федерализм, разделение властей и судебный контроль [59].

Первоначальный Билль о правах, каталог из десяти поправок, добавленных к Конституции 1787 года в качестве фактически запоздалой мысли в 1791 году, а также права, добавленные посредством поправок в последующие годы (в первую очередь отмена рабства и положение о равной защите), сосредоточены на самой гарантии без, во многих случаях, изложение явных ограничений на правильную формулировку. Например, Первая поправка гарантирует, что «Конгресс не должен издавать законов, ограничивающих свободу слова или печати». Однако Верховному суду было предоставлено сформулировать пределы, которые должны быть у любого права в хорошо организованном обществе. Устанавливая эти ограничения, Верховный суд не пытался кодифицировать, используя силу прецедента, «формальные» или «существенные» ограничения в общем и абстрактном смысле. Вместо этого он придерживался более прагматичного подхода; руководствуясь как традицией общего права страны, так и ее глубоким недоверием к правительству, Суд разработал судебную практику в каждом конкретном случае, которая обеспечивает баланс между индивидуальными правами и интересами общества. Судебная практика Суда пытается свести к минимуму ограничения свободы личности, в то же время защищая от реальных, конкретных угроз обществу, которые могут материализоваться в спазмах несанкционированного насилия и принуждения. Так, например, политически подрывные действия могут быть криминализованы только в том случае, если они провоцируют неминуемые незаконные действия, и эти действия, вероятно, произойдут – знаменитый двусторонний бранденбургский тест «явной и реальной опасности» для общества. «Бранные слова» могли быть запрещены только в том случае, если они

«вызывали бы драку у обычного адресата». «Даже подстрекательство к расовой ненависти защищалось, если оно не представляло «реальной угрозы» [60].

Общественные деятели, такие как известные политики или знаменитости, не могли успешно подать иск о клевете, даже если о них были сделаны клеветнические и ложные заявления о фактах, если только эти заявления не были сделаны с «фактическим злым умыслом» (то есть с осознанием их ложности или безрассудного пренебрежения истиной). Судебные запреты на публикацию любого сообщения могли быть получены только в том случае, если существовала конкретная угроза национальной безопасности, надвигающееся нарушение внутреннего спокойствия или если речь шла о непристойных материалах, в соответствии с теорией предварительного ограничения, унаследованной от английского общего права. Меньшая защита была предоставлена коммерческому самовыражению. Таким образом, Верховный суд разработал весьма разнообразный и конкретный набор тестов, применяемых к различным областям выражения: тематический парк юриспруденции, ориентированный на контекст конкретного сообщения [61].

Аналогичным образом, положение о равной защите было разделено на совершенно разные «стандарты пересмотра». Наивысший стандарт, «строгий контроль», требует демонстрации «непреодолимой заинтересованности правительства» в дифференцированном обращении и «узкого выбора» средств для достижения цели этой правительственной цели. Этот стандарт был зарезервирован для случаев дискриминации по признаку расы или этнического происхождения, или если речь шла об определенных «основных правах», таких как право голоса или право на поездки. На другом конце спектра гарантируется только пересмотр на рациональной основе, применяемый к остатку всех других дифференцирующих критериев или интересов, которые не подлежат усиленному судебному контролю – простой стандарт для принятия правительственных мер [92]. В промежутках суд

разработал стандарты «промежуточной строгой проверки» (например, в отношении внебрачных детей), «усиленной промежуточной проверки» (в отношении пола, уделяя особое внимание «чрезвычайно убедительным оправданиям»), «усиленных тестов на основе рациона» (например, для инвалидов, гомосексуалистов, и т.д.). Иностранцы пользовались строгим контролем в отношении дискриминационных действий правительства штата, но только в том случае, если они не были исключены из рабочих мест, которые были в «сердце представительного правительства»; для них не было специальной равной защиты от действий федерального правительства, направленных на исключение [62].

Знаменитое право на «неприкосновенность частной жизни», признанное Верховным судом США в деле Грис-Уолд против Коннектикута находящимся в «полутени» других прав (то есть Первой, Четвертой, Пятой, Девятой и Четырнадцатой поправок), возрождает старые концепции «существенного» надлежащего процесса оговорка, не существует в этой общности. Это в значительной степени ограничивается фактами рассматриваемого дела, первоначально правом на использование противозачаточных средств, а затем правом выбора аборта в определенные сроки беременности. Можно утверждать, что «право на бездействие» теперь было выведено из основного положения Конституции о надлежащей правовой процедуре. Однако летом 2003 года в деле Лоуренс против Техаса Суд провозгласил более широкое право на интимные сексуальные контакты, включая частную гомосексуалистов.

Таким образом, в американской конституционной юриспруденции не существует общей доктрины ограничения прав [3]. Суды устанавливают и утверждают ограничения в соответствии с конкретными обстоятельствами фактических данных. Этот прагматичный архетип резко контрастирует с более формальными конституционными установлениями, встречающимися в основном в странах с гражданским правом. Их представления о правах и их пределах носят более общий и абстрактный характер, о чем свидетельствует

судебная практика Федерального Конституционного суда Германии [31, с. 37].

Конституция Германии от 23 мая 1949 года, признанная Основным законом Федеративной Республики Германия, определяет отношения между государством и индивидом в дополнение к формированию организации и институтов Республики. Основной закон ставит права личности и защиту человеческого достоинства во главу угла, в самом начале документа. Права рассматриваются не только как защита от государства, но и как составляющая целей и структуры правительства. Свобода личности, признанная в статьях 1 и 2, лежит в основе Основного закона и вытекает из достоинства мужчины/женщины и его/ее права на самоопределение. Следовательно, свобода не может быть предоставлена, а признается только позитивными положениями Основного закона. Таким образом, роль государства в Основном законе заключается в обеспечении свободы народа. Государство существует на благо человека, а не наоборот – концепция, совершенно отличная, скажем, от коммунистической идеологии [31, с. 66].

Основной закон предписывает права, на большинство из которых может претендовать «каждый». Эта категория прав может быть обозначена в немецком контексте как «права человека». Существует также ряд прав, связанных с гражданством, которые применимы только к гражданам Германии, включая свободу собраний, статья 8.1; свободу ассоциации, статья 9.1; и свободу профессии и бизнеса, статья 12.1. Эти права предоставляются «всем немцам», хотя существуют и другие немецкие законы, которые распространяют эти права и на иностранцев, а европейское и международное право, похоже, теперь идет дальше и отменяет такие ограничения гражданства. Основной закон гарантирует своими статьями свободную демократию, основанную на верховенстве закона, обеспечивающую свободу личности [31, с. 69].

Основной закон, как высший закон государства, гарантирует демократию, в которой большинство не тождественно народу, а государство

не тождественно обществу. Следовательно, ни государство, ни большинство не могут претендовать на абсолютную власть. Идея ограниченного правления, принятая Основным законом, а также гарантированное уважение свободы и основных прав очевидны в институциональных мерах предосторожности, которые он принимает, чтобы избежать возможного злоупотребления полномочиями. Таким образом, некоторые положения Основного закона не могут быть изменены: те, которые предусматривают основные структуры федерализма; разделение властей; принципы демократии, социального обеспечения и основных прав; и принцип государственной власти, основанной на законе [31, с. 87].

Основной закон возлагает на государство обязанность воздерживаться от нарушения основных прав (*status negativus* или *libertatis* и обязанность государства уважать эти права), а также обязанность обеспечивать, чтобы у человека были реальные возможности реализовать свои свободы (*status positivus* и обязанность государства защищать и обеспечивать свободы). Вся государственная власть ограничена основными правами, изложенными в статье 1.3, в которой говорится, что «следующие основные права являются обязательными для законодательной, исполнительной и судебной власти в качестве закона, подлежащего прямому исполнению» [30, с. 15].

Это формальное нормативное закрепление конституционных прав личности не оставляет места для неправильного толкования конституционных прав как чисто программных заявлений или несамоисполнимых положений. Основные конституционные права – это субъективные права. Лица, имеющие право на эти права, могут претендовать на эти права, и суды будут обеспечивать их соблюдение, когда они будут заявлены справедливо. Эти права не просто отражают «программное намерение» законодательной власти принять соответствующий закон, но также подлежат судебному исполнению (то есть они представляют собой стандарты для судебного пересмотра действий правительства на всех

уровнях). Эти права часто реализуются сами по себе; однако некоторые из них требуют принятия законодательных или административных мер для обеспечения их эффективности в судах.

Однако не только государство ограничено обязательством Основного закона. Уважая автономию личности, Основной закон должен обеспечивать свободу и свободу всех. Таким образом, он предусматривает потенциальные правительственные ограничения индивидуальных прав на благо других людей, сообщества или общества [28, с. 15]. Индивид – это не остров, изолированный от других. Скорее всего, люди по своей природе социальные существа и созданы для того, чтобы жить с другими. Следовательно, хорошо организованное общество требует, чтобы люди признавали и соблюдали права и обязанности друг друга на основе совершенной взаимности. Абсолютная свобода для личности была бы за счет общества и прав и свобод других людей.

Основной закон гарантирует, что ограничения устанавливаются и требуются в определенных ситуациях «для поддержания и развития общественной жизни». Кроме того, достоинству человеческой личности позволено свободно развиваться в рамках социального сообщества. В то же время существует грубое неравенство во власти между государством и отдельными лицами, а также между отдельными лицами и частными организациями. Таким образом, могут быть веские причины распространить обязательную силу основных прав на отношения между частными лицами и частными организациями. Федеральный Конституционный суд постановил, что нормативный характер основных прав косвенно проявляется в частном праве через «толкование общих положений» Гражданского кодекса [9, с. 11].

Неограниченное осуществление основных индивидуальных прав может вступать в противоречие с общественными интересами или интересами и правами других лиц. Для разрешения таких конфликтов необходимо юридическое разграничение обстоятельств, при которых ограничение основных прав является оправданным. Эта линия может быть проведена в

самой конституции, или создатель конституции, конституционный орган, может делегировать эту власть другим субъектам, таким как законодательный орган, уполномоченный принимать решения от имени сообщества [13, с. 42].

Большинство прав, закрепленных в Основном законе, содержат законодательную оговорку. Эти оговорки могут быть общими или конкретными. Оговорки, предусмотренные законом, носят общий характер, когда права, о которых идет речь, ограничены законом или в соответствии с ним без какого-либо упоминания конкретных требований закона, ограничивающих это право. Например, такие общие оговорки можно увидеть в статье 5.2, свобода выражения мнений; статья 8.2, свобода собраний; и статья 10.2, конфиденциальность писем, сообщений и телекоммуникаций. Оговорки, предусмотренные законом, являются специфическими, когда право ограничено для защиты интересов, указанных в соответствующей статье. Например, в статье 11.2 содержатся конкретные оговорки, касающиеся свободы передвижения; статья 6.3 демонстрирует, что право родителей на воспитание своих детей может быть ограничено только для обеспечения более важной цели – недопущения того, чтобы дети «подвергались серьезной опасности стать заброшенными» и статья 13.7, касающаяся неприкосновенности жилища. Существуют также некоторые основные права, которые не ограничены никакими законодательными оговорками. Однако это не означает, что их можно применять без каких-либо ограничений. Бывают случаи, когда эти права могут вступать в противоречие с другими правами и, таким образом, могут быть ограничены конфликтующими конституционными интересами [23].

Соответственно, конституционные права не являются изолированной частью конституции; они являются частью ее нормативной структуры и должны рассматриваться в сочетании с ее общими принципами. Как упоминалось выше, Основной закон содержит разумные ограничения и ограничения этих конституционных прав. Однако это не означает, что

законодательный орган обладает неограниченной свободой действий в ограничении основных прав. В статье 19 содержится пять требований, которые в целом применяются к ограничениям прав. Это положение включает определенные абсолютные ограничения на государственную власть и, при определенных обстоятельствах, на частные действия (статья 19.3). Этими пятью требованиями являются:

– закон должен гарантировать неприкосновенность основного права. Статья 19.2 гласит, что «ни в коем случае не может быть нарушена сущность основного права»;

– закон, ограничивающий право, должен применяться в целом, а не только к отдельному случаю. Это требование служит двойной цели, препятствуя вмешательству законодательства в отдельные дела, а также защищая человека от произвола;

– закон должен предусматривать прямое ограничение путем указания основного права и соответствующей статьи, чтобы ограничение было преднамеренным, а не случайным или случайным. Статья 19.1 требует, чтобы в законе было четко сформулировано ограничение конституционного права, что означает, что такие ограничения могут устанавливаться только законодательством, а не административными постановлениями или указами;

– статут должен обеспечивать правовую определенность, будучи ясным и недвусмысленным;

– закон должен удовлетворять трем критериям принципа пропорциональности: пригодности, необходимости и уместности [23].

Федеральный Конституционный суд, как «хранитель» конституции, развил эти требования, установив не только процессуальные гарантии и ограничения, но и ограничения на ненужные ограничения прав. Суд также наделен полномочиями конституционного контроля; он гарантирует конституционность поведения государства и его органов. Широкая компетенция Суда позволила разработать подробную судебную практику в отношении содержания и пределов прав. Приведенные ниже примеры

иллюстрируют, как Суд истолковал некоторые ограничения прав, предусмотренные в Основном законе [2, с. 67].

Приступая к активной деятельности в области, защищаемой основным правом, законодательный орган должен исходить из значения основного права в рамках общественного порядка в качестве отправной точки его регулирования. Законодательная власть не может свободно определять содержание основного права; скорее, верно обратное: содержание основного права может привести к существенному ограничению усмотрения законодательной власти. Основное право предназначено для защиты свободы личности, законодательная оговорка предназначена для обеспечения достаточной защиты общественных интересов [15, с. 32].

В данном случае суд уравнивал принцип защиты личной чести со свободой выражения мнений. Суд постановил, что в случаях клеветнической критики нарушение человеческого достоинства никогда не может быть оправдано конкурирующими конституционными интересами, в котором основное внимание уделялось аргументу о том, что такая абсолютная защита человеческого достоинства и личной чести была бы возможна только в том случае, если понятие человеческого достоинства толковаться узко.

В деле *Elfes* Суд истолковал понятие «конституционного порядка», содержащееся в статье 2.1, которая гарантирует осуществление личной свободы до тех пор, пока «это не нарушает права других или не оскорбляет конституционный порядок или мораль». Суд заявил, что «свобода действий индивида может быть законно ограничена не только Основным законом или «основополагающими конституционными принципами», но и любым правовым положением, которое формально и по существу совместимо с Основным законом» [148].

Суд далее развил свое толкование «конституционного приказа» по делу о верховой езде в лесу, где говорилось:

Свобода действий гарантируется только в рамках ограничений, налагаемых статьей 2.1 и, таким образом, в частности, подчиняется

конституционному порядку. Если акт государственного органа, который затрагивает свободу действий, основан на законодательном положении, в контексте конституционной жалобы, основанной на статье 2.1, он будет полностью совместим с Основным законом» [147].

Это решение вызвало бурные дебаты, рассматривалось, является ли оно формально и по существу совместимый с положениями Основного закона.

По сути, Суд субъективно истолковал объективное право, постановив, что каждое действие правительства, посягающее на свободу личности, теперь может быть оспорено, если оно основано на формально или, по существу, неконституционном акте. Формальная неконституционность может быть вызвана такими факторами, как чрезмерные действия законодательных или административных органов или процедурные дефекты в законодательном процессе, которые равносильны нарушению конституции. Что касается неконституционности по существу, Суд в том же деле сослался на принцип пропорциональности в качестве правильного «критерия» для оценки допустимости ограничений общей свободы действий [147].

Широкое толкование Судом понятия «конституционный порядок» также охватывает интересы других лиц и общества. В деле о защитных шлемах Суд утверждал, что обязанность мотоциклистов носить защитные шлемы была разумно необходима, чтобы избежать издержек, связанных с авариями для населения, и что эта обязанность не была несоразмерной [75].

Однако в деле Лебаха Суд заявил, что показ телевизионного документального фильма «об уголовном преступлении, в котором представлены имя, фотография или возраст преступника, как правило, представляет собой серьезное нарушение его личной сферы». Далее он добавил, что «Право на свободное развитие своей личности и человеческого достоинства предоставляет каждому человеку автономную сферу частной жизни, в которой он может развивать и поддерживать свою личность». По сути, Федеральный Конституционный суд провел различие между двумя сферами частной жизни – интимной личной сферой, которая не может быть

нарушена или ограничена, несмотря на преобладающие общественные интересы, и личной сферой, в которой индивид не изолирован, а работает с другими и, следовательно, может сбалансировать свои интересы в отношении частной жизни с конкурирующими интересами.

Тем не менее, различие между этими двумя сферами не может обсуждаться абстрактно, а скорее должно определяться в каждом конкретном случае. В том же решении Суд, уравнивая важность «права личности» с важностью свободы телевизионного вещания, обосновал, что вес права личности может меняться в разное время. Его вес может быть относительно невелик по сравнению с общественным правом на получение информации, когда лицо совершает уголовное преступление и, таким образом, выставляет себя на всеобщее обозрение; тогда как оно становится более важным несколько лет спустя, когда общественный интерес к информации о преступнике снижается, а интерес к ресоциализации преступника снижается.

Суд использовал ту же аргументацию в деле о секретной магнитофонной записи, заявив, что «преобладающие интересы общества не могут оправдать нарушение абсолютно защищенной основной сферы частной жизни; процесс балансирования в соответствии с принципом пропорциональности не должен выполняться». Однако Суд также добавил ограничение на эту сферу, заявив, что «не вся сфера частной жизни подпадает под абсолютную защиту основного права в соответствии со статьей 2.1. Индивид, как часть общества, скорее должен согласиться с таким вмешательством государства, которое основано на преобладающих интересах общества при строгом применении принципа пропорциональности, до тех пор, пока они не затрагивают неприкосновенную сферу частной жизни».

В деле *Erplercase* Суд решил, защищает ли право личности от ложных или неточных цитат, приписываемых одному лицу другим [76].

Хотя эта конституционная жалоба не увенчалась успехом, интересно отметить аргументацию Суда в отношении статьи 2.1, особенно в отношении

права индивида на то, чтобы общественность воспринимала его таким, каким он хочет себя представить, а не таким, каким его видят другие:

Право личности нарушается, если в чьи-то уста вкладываются слова, которые он не озвучивал и которые наносят ущерб его притязаниям на социальное уважение, определенным им самим. Это вытекает из принципа автономии. Содержание права личности, по сути, формируется тем, как он видит себя [96].

В деле об осквернении флага Суд рассмотрел вопрос о том, было ли осквернение немецкого флага защищено конституционным правом на свободу слова, статья 5.1, и правом на свободу творчества, статья 5.3, которая предоставляет широкую свободу искусству и науке. Права, гарантированные в статье 5.1, строго ограничены в статье 5.2, но свобода выражения мнений в художественной форме, гарантированная в статье 5.3, может быть неограниченной, поскольку она предоставляется без явных оговорок [77].

Хотя свобода творчества предоставляется безоговорочно, она, как правило, не исключает наказания в соответствии со статьей 90. Гарантия статьи 5.3 не только ограничена конституционными правами третьих лиц, но и может вступать в противоречие с различными конституционными нормами, поскольку упорядоченное сосуществование людей требует не только взаимного уважения граждан, но и функционирующего общественного государственного порядка, который обеспечивает, в первую очередь, эффективность защиты конституционных прав.

Здесь Суд установил, что свобода творчества вступила в противоречие с защитой государственных символов и что цель символов состояла в том, чтобы апеллировать к гражданскому сознанию своих граждан. Если флаг служит важным средством сплочения, то осквернение флага может подорвать государственную власть, которая необходима для внутреннего мира государства. Однако защита государственных символов не может защитить государство от критики и даже неприятия. Хотя Суд в конечном итоге признал действия защищенными Конституцией, он все же обосновал,

что свобода художественного выражения, предоставляемая статьей 5.3, не является абсолютно защищенной от уголовного преследования. «В заключение, Основной закон Германии характеризуется специально разработанными общими и конкретными ограничениями его прав стремится к достижению тщательного баланса между интересами общества и личности в каждой области охраняемой деятельности, обеспечивая тем самым главную цель защиты и уважения человеческого достоинства. Федеральный Конституционный суд, как главный блюститель Основного закона, истолковал ограничения общей конституционной гарантии свободы действий как необходимость формально и по существу конституционных действий правительства. Конституционное действие, по существу, не только запрещает ущемление сущности права, но и требует, чтобы действия правительства соответствовали принципу соразмерности. Тщательный баланс необходим, когда речь идет о первостепенных интересах сообщества, даже когда свободы прямо гарантированы без формальных или существенных ограничений.

В деле Навальный против России, 2018, заявитель, важный политический оппозиционер и участник кампании по борьбе с коррупцией, был арестован семь раз в течение двух лет на различных мирных общественных собраниях и был привлечен к ответственности за административные правонарушения, связанные с их технически незаконным характером. Суд установил, что арест и содержание заявителя под стражей были произвольными и незаконными в нарушение пункта 1 статьи 5, взятой отдельно. Суд также установил нарушение статьи 11, взятой отдельно, поскольку в пяти случаях оспариваемые меры были несоразмерными, а в двух случаях они не преследовали ни одной из законных целей, предусмотренных пунктом 2 статьи 11. В частности, во время пятого эпизода заявитель был наказан, когда за ним последовала группа людей после того, как он покинул стационарную демонстрацию. Во время шестого эпизода он оказался среди группы активистов перед зданием суда, потому что им было

отказано во въезде на судебное заседание. В соответствии со статьей 18 Суд сосредоточил свое рассмотрение на этих двух эпизодах, которые, взятые по отдельности, не поднимали никакого вопроса о множественности целей. Однако, принимая во внимание последовательность и схему событий, рассматриваемых в целом, Суд счел, что преследование заявителя как оппозиционного политика, затрагивающего не только его самого или его коллег-активистов/сторонников, но и саму суть демократии, будет представлять собой скрытую цель значительной тяжести". Рассматриваемые в более широком контексте попыток российских властей в рассматриваемое время взять под контроль политическую деятельность оппозиции, ограничения, введенные в пятом и шестом эпизодах, как было установлено, преследовали скрытую цель, а именно подавление политического плюрализма, в нарушение статьи 18 в сочетании со статьями 5 и 11.

Во многих важных отношениях Основной закон означал коллективное неприятие нацистского прошлого страны. Холокост также высветил определенные ограничения, с которыми может столкнуться любая национальная правовая система при пресечении тиранических и геноцидных устремлений. Кроме того, это привело к появлению международно-правовых гарантий фундаментальных прав человека, которые любой человек может выдвинуть против устрашающей власти государства. Сами национальные государства согласились с таким самоограничением власти в качестве основополагающего принципа послевоенного порядка, выраженного в Уставе Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека 1948 года и двух договорах ООН по правам человека 1966 года, Международном пакте о гражданских и политических правах (МПГПП) и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП).

Заинтересованность общественности в надлежащей информации предполагает соответствующие конституционные обязательства государства. Государство (его институты и должностные лица) несет не только

обязанность негативного содержания не препятствовать свободному потоку информации и идей, но и обязанность позитивного содержания принимать все необходимые меры, чтобы, во-первых, другие лица не препятствовали такой деятельности, во-вторых, средства массовой информации выполняли свою миссию в соответствии с фундаментальными ценностями демократического общества в правовом государстве.

Исходя из этого, государство должно иметь надлежащий механизм мониторинга деятельности средств массовой информации, поскольку последние оказывают большое влияние на общество, что может угрожать национальной безопасности, общественному порядку и законным интересам общества. Следовательно, свобода средств массовой информации не является абсолютной, существует возможность их контроля, насколько позволяют другие конституционные обязательства, такая свобода не отменяет парламентского контроля над средствами массовой информации.

Глава 2 Формы ограничения прав и свобод человека и гражданина

2.1 Статусные ограничения

Ограничение в законе представляет собой сложное правовое явление, которое играет важную роль во всех сферах жизни как отдельно взятого человека, так и всего государства в целом. Естественно, это находит отражение в положениях действующей Конституции Российской Федерации. Между тем различия между сопоставлением ограничений в законе и разными сферами функционирования государства очевидна, а объект его воздействия, как правило, носит отраслевой характер.

Основными положениями в отношении ограничений прав и свобод человека и гражданина являются положения части 3 статьи 55 Конституции России. Данная статья устанавливает четкие границы правового характера, а также условия, необходимые для их реализации.

Первая группа, которая будет рассмотрена в рамках данного параграфа, – это статусные ограничения на государственной или муниципальной службе.

Согласно правильному предупреждению А.Б. Малкоса, «имеет тенденцию к различным злоупотреблениям со стороны политических властей (особенно и главным образом органов исполнительной власти). В связи с этим он стремится создать надежную правовую базу, которая ограничивала бы и обуздывала такие тенденции, создавая препятствие для их неоправданного и незаконного превышения, нарушения прав личности.

Необходимость юридических ограничений обусловлена именно тем, что невозможно превратить недостатки могущественного субъекта в пороки государственной власти. Исходя из этого аргумента, можно сделать вывод, что закон ограничивает не суть контролирующего воздействия государственных структур на личность, а только препятствия, односторонние

факторы, неоправданные и незаконные нарушения интересов граждан РФ» [79].

Следуя правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, специфика государственной службы как профессиональной деятельности, гарантирующей осуществление полномочий государственных органов, опосредует особый правовой статус государственных служащих. Исходя из этого, регулируя правовой статус государственных служащих, порядок получения и прохождения государственной службы, государство также может устанавливать специальные правила (ограничения) в отношении этой сферы с учетом баланса ценностей и интересов, защищаемых Конституцией.

В соответствии с пунктом 1 статьи 2 рассматриваемого Федерального закона «в систему государственной службы включены следующие виды государственной службы: государственная гражданская, военная и правоохранительная служба» [99].

Анализ законодательства показал, что для всех видов государственной службы имманентен практически идентичный перечень оснований для ограничений. Поэтому далее, взяв за основу государственную гражданскую службу, мы подробно рассмотрим причины ограничения для таковых, а также дадим некоторые пояснения правоохранительным органам и военной службе [3].

Граждане не могут быть приняты на государственную службу, и государственный служащий не может пройти ее «в случае:

- признание таких лиц недееспособными или недееспособных по вступившему в законную силу решению суда;
- их осуждение вступившим в законную силу решением суда по приговору, исключающему возможность исполнения служебных обязанностей на соответствующей должности, а также при наличии исключительной или не подлежащей взысканию судимости в порядке,

установленном федеральным законом (наши аргументы по этому вопросу будут представлено ниже.);

– отказ от прохождения процедуры получения доступа к сведениям, составляющим государственную тайну и иным охраняемым федеральным законодательством. Этот случай применим только в том случае, если выполнение служебных обязанностей по должности, на которую претендует гражданин, или по должности, занимаемой государственным служащим, сопровождается использованием такой информации» [82].

Исходя из вышеприведенных тезисов, вывод логичен: с одной стороны, детальная регламентация вопроса о дальнейшем переходе на государственную службу в случае определенного заболевания, но с другой – отсутствие перечня этих заболеваний делает невозможным полноценную реализацию этих положений на практике.

В настоящее время в соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 16 Федерального закона № 79-ФЗ «ограничение совместной службы родственников определяется наличием близких отношений или имущества заявителя или служащего лица с государственным служащим, если их официальная профессиональная деятельность предусматривает подчинение или прямой контроль одного из них над другим» [82].

Исходя из изложенного, цель установления такого ограничения на гражданской службе – не допустить возможное отрицательное влияние близких родственных связей на служебные отношения гражданских служащих. Как следствие, и на качество их служебной деятельности, которое в перспективе может проявляться как в снижении дисциплины, так и в злоупотреблении служебным положением [97].

– выход из гражданства России или приобретение гражданства иного государства.

Из ст. 13 Федерального закона № 79-ФЗ следует, что «гражданским служащим должен быть только гражданин Российской Федерации. С выходом из российского гражданства или приобретением гражданства иного

государства расторгается служебный контракт гражданского служащего, он освобождается от замещаемой должности и увольняется на основании решения представителя нанимателя. Обязанностью гражданского служащего является сообщение о выходе из гражданства в день такого выхода или в день приобретения другого гражданства» [82].

Обращаем Ваше внимание, что международными договорами, «устанавливающими равные права на доступ к государственной службе с гражданами Российской Федерации для иностранных граждан, постоянно проживающих в Российской Федерации, последним не предоставляются права занимать должности в органах безопасности, внутренних дел, а также судьях и прокурорах. Что касается других видов правоохранительной службы, то в международных договорах обычно указывается, что иностранные граждане, имеющие статус постоянных жителей в России, имеют право подать заявление о приеме на определенные виды правоохранительной службы» [51, с. 63].

Современный период характеризуется смещением акцента на моральные и нравственные ценности. Это честность, ответственность, подчинение закону, компетентность, справедливость, беспристрастность.

В рамках данного раздела видим пользу обратить внимание на специфику ограничений в армии.

Заметим, ограничения, связанные с прохождением военной службы, «не нашли надлежащей оценки в научной литературе, а действующим законодательством не дано определения указанной правовой категории. Современным военным законодательством России определены только ограничения прав и свобод военнослужащих в различных сферах, которые опосредуются запретами и выражены лексическими конструкциями «не вправе», «не должен» и др. (например, п. 2 ст. 1, ст. 6, ст. 7, п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих»). В отличие от ограничений, связанных с прохождением государственной гражданской службы, ограничения, связанные с прохождением военной службы, не

выделены российским законодательством в отдельную правовую категорию» [87].

По аналогии с ограничениями, адресованными государственной гражданской службе, «ограничения, связанные с прохождением военной службы, определяют как установленные нормами военного права обстоятельства, при наличии или возникновении которых военнослужащие не могут проходить военную службу и подлежат увольнению, а граждане (иностранцы граждане) не могут поступить на военную службу» [87].

Отметим, что ограничения, связанные с государственной гражданской службой, установленные ст. 16 Федерального закона № 79-ФЗ, на военнослужащих не распространены, т.е. в отношении военнослужащих они должны быть установлены Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе». Таковые до сих пор не появились в указанном правовом акте, в связи с чем считаем, актуальным внесение в него соответствующих изменений.

Данная часть исследования показала «практически унифицированный подход к закреплению и конкретизации оснований для ограничения прав, обусловленных различными видами государственной и муниципальной службы. Вместе с тем, все-таки имеются и разночтения в заявленной области (например, не обособлены ограничения применительно к прохождению военной службы). В связи с этим, считаем необходимым ввиду общей природы государственной службы определение на законодательном уровне термина «ограничение» и обособление оснований для такового в специальной статье профильного нормативного правового акта с учетом специфики вида службы» [85].

2. Ограничения, связанные с занимаемой должностью. Итак, в основе понимания данной группы ограничений лежат термины «должностное лицо», «лицо, занимающее государственную должность Российской Федерации», «лицо, занимающее государственную должность субъекта Российской Федерации», «иностранное должностное лицо». Не вдаваясь в блок правовых про-

блем, свойственных указанным правовым феноменам, отметим лишь, что при дефиниции соответствующих терминов следует руководствоваться примечаниями 1, 2 и 3 к ст. 285, примечанием 2 к ст. 290, примечанием 1 к ст. 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, учитывая при этом соответствующие разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [149].

Судимость как правовая категория была перенесена в современное российское право советской правовой системой. Конституция Российской Федерации не предусматривает такого основания в отношении ограничения индивидуальных прав и свобод, но оно содержится в действующих федеральных законах, касающихся различных видов субъективных прав [86].

Например, в Трудовом кодексе Российской Федерации – право заниматься педагогической деятельностью. Семейный кодекс Российской Федерации ограничивает право быть приемным родителем на этом основании. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права граждан Российской Федерации на участие в референдуме» ограничивает избирательные права.

Нормы Федерального закона «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» касаются права на получение охотничьего билета, а Федерального закона «Об аудиторской деятельности» – членства в саморегулируемой организации аудиторов [7].

В связи с тем, что аксиологические ценности, декларируемые на конституционном уровне, подлежат ограничению, но через механизм, предусмотренный федеральным законодательством, неоднократно возникали ситуации неопределенности относительно того, соответствуют ли эти ограничения индивидуальных прав и свобод Конституции Российской Федерации.

Эти споры разрешаются Конституционным судом Российской Федерации. В этой области такие только дважды касались вопроса о судимостях.

Конституционный суд Российской Федерации, проверяя конституционность Жилищного кодекса РСФСР, прямо назвал «дискриминацию в жилищных правах определенных категорий граждан на основании их судимости и, следовательно, нарушением принципа равенства прав и свобод человека и гражданина, гарантированного государством. Почти десятилетие спустя Конституционный суд был не столь категоричен и трактовал судимость как правовое состояние лица, обусловленное фактом судимости и осуждения по решению суда за совершенное преступление и которое влечет за собой установленные уголовным законом правовые последствия, когда это лицо совершает преступление повторно.

Наличие непогашенной или непогашенной судимости у лица является основанием для особой картины, которая появляется в рамках регулирования отношений общественности с государством уголовным правом. Такие, когда данное лицо совершает новые преступления, являются критерием оценки его личности и совершенных им действий как повышенной общественной опасности, следовательно, они подразумевают применение к нему самых строгих мер уголовной ответственности. Конституционный суд Российской Федерации провел проверку конституционности уголовных последствий непогашенной или не снятой судимости и признал их соответствующими Основному закону» [88].

В наиболее суровой форме ограничивается допуск на государственную службу лиц, совершивших уголовные преступления. Это закреплено Указом Президента Российской Федерации от 5 июня 2003 года «О службе правоохранительных органов в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ».

В соответствии с его положениями граждане не имеют права проходить службу в органах наркоконтроля в связи с их привлечением в качестве

обвиняемых или выбором в отношении них меры пресечения по уголовному делу. В то же время прием на военную службу граждан, осужденных за совершение преступления, возможен, если они не были приговорены к лишению свободы и, если такая судимость была снята или стерта в установленном законом порядке.

Ограниченный доступ к государственной службе для лиц, совершивших преступление, связан с возросшей социальной значимостью этого вида профессиональной деятельности.

Прием на государственную службу невозможен только при наличии решения суда, вступившего в законную силу. Эти последствия не влекут за собой включения лица в качестве обвиняемого по данному делу. В случае отмены решения суда, вступившего в законную силу в отношении государственного служащего по результатам надзорного производства, он должен быть восстановлен на прежней должности.

В юридической литературе высказываются мнения о том, что в нынешнем виде законодательство о государственной и муниципальной службе несправедливо уравнивает всех лиц, совершивших разные категории преступлений.

В этой части исследования я хотел бы подчеркнуть точность утверждения А.Л. Маковского для иностранных граждан. По его мнению, «ни одно государство, даже если оно окружило себя «железным занавесом», не может игнорировать необходимость пребывания на своей территории и деятельность иностранцев, отмечая существующую разницу между ними и субъектами их права» [53].

В данной связи каждое государство задается вопросом: «в какой мере оно может или должно распространять собственные законы и право на иностранных граждан и организации?» [14].

Конституционно-правовой статус иностранного гражданина в аспекте объема может изменяться с учетом его категории (временно пребывающие и

постоянно проживающие; имеющие привилегии и иммунитет и лица, которые не имеют таких привилегий; и т.д.).

Увеличение объема правоспособности находится в прямой зависимости от принадлежности лица к своему государству. Следовательно, увеличивается и содержание конституционно-правового статуса гражданина по сравнению с ограниченным правовым положением иностранных граждан.

Обратим внимание на то, согласно Конституции РФ, случаи ограничения прав иностранных граждан могут быть установлены только федеральным законом или международным договором. Исходя из этого, можно вести речь о разных способах отражения объема прав иностранных граждан. Типично в законодательстве прямо указывается на соответствующие ограничения.

Так, в ст. 14 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" «у иностранного гражданина не имеется права нахождения на муниципальной службе (при определенных условиях, о которых упоминалось выше); командования воздушным судном гражданской авиации; работы на объектах и в организациях, обеспечивающих безопасность Российской Федерации. Иностранцам не представляется возможности занятия должности капитана судна, старшего помощника капитана судна, старшего механика и радиоспециалиста в составе экипажа судна, которое плавает под Государственным флагом России (ст. 56 Кодекса торгового мореплавания РФ)» [76].

В заключении отметим, что в рамках данного участка работы представлен и охарактеризован отнюдь не исчерпывающий перечень разновидностей статусных ограничений прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем, полагаем, он наиболее демонстративен в части таковых и перспективен в аспекте его дальнейшего пополнения.

2.2 Режимные ограничения

Для обоснования разделения режимных ограничений на субъективные права и свободы и раскрытия их содержания необходимо обратиться к выявлению их существенных признаков. «С одной стороны, режимные ограничения обладают характеристиками и свойствами правовых ограничений в целом. К ним, в рамках общей теории права, относятся следующие: привязанность к неблагоприятным условиям (угроза или лишение определенных ценностей) для реализации собственных интересов субъекта наряду с одновременной ориентацией на их контроль и удовлетворение интересов противоположной стороны, общественных и государственных интересов в обороне и самообороне; сокращение возможностей, свободы и; сосредоточение внимания на обеспечении общественных отношений в контексте нормальной реализации (установленной законом)» [122].

В связи с этим можно уточнить (расширить) конечную цель такого ограничения. В контексте обеспечения прав и свобод личности это гармоничное сочетание (удовлетворение) индивидуальных и общественных потребностей, интересов; такое регулирование (ограничение) поведения индивида, которое не допускало бы нарушения прав других участников общественных отношений, интересов общественного порядка. Этот вывод также подтверждается позицией В.С. Соловьева, согласно которому «суть закона заключается в балансе двух моральных интересов: личной свободы и общего блага. Представляется, что вышеупомянутые признаки можно отнести к категории субъективных прав и свобод, общих для всех видов ограничений, которые мы различаем – существенных, статусных и режимных» [137].

Что касается специфических особенностей ограничений режима, то они, исходя из названия, напрямую связаны с категорией «правовой режим» и уже связаны с его характеристиками. Таким образом, «правовой режим в

юридической литературе предлагается понимать как: социальный режим объекта, определенный в правовых нормах и наделенный набором правовых средств; порядок правового регулирования, состоящий из набора правовых средств, характеризующих определенную комбинацию интерактивных разрешений, запретов, а также позитивные обязательства по регулированию; результат такого регулирующего воздействия в рамках конкретной отрасли права; совокупность всех позитивных предписаний, предусмотренных в нормах императивного и диспозитивного характера, а также основанных на них субъективных правовых требований, существующих и действительных с точки зрения права и контекстуально определяющих права, обязанности, разрешения, запреты и предписания всех лиц по отношению к предмету (явлению) по отношению к; особый порядок правового регулирования, выражающийся в установленном сочетании правовых (легальных) средств и формирующий желаемые социальные условия и определенную степень фаворитизма или неблагоприятности для удовлетворения интересов определенных субъектов права и т.д.» [68].

Следует уточнить, что «установление и функционирование правового режима (правовых режимов) направлены на то, чтобы сделать правовую форму соответствующей и эластичной, позволяющей ей учитывать различия многочисленных социальных связей, быстрее реагировать на особенности различных субъектов и объектов, временные и пространственные факторы, имеющиеся в область права. Здесь необходимо согласиться с тем, что правовой режим отражает степень жесткости правового регулирования, формат ограничительных и стимулирующих воздействий, максимальный уровень активности субъектов, их правовую независимость. В то же время такие условия, как время, пространство и круг лиц, к которым оно применяется, имеют особое значение для правового режима. Эти три компонента по отношению к любому правовому режиму имеют четко определенное, «прямое» содержание, всегда конкретное и обязательно связанное с текущими социальными процессами. В связи с этим правовой

режим как отдельный регулятор социальных процессов напрямую связан с таким явлением, как верховенство закона» [126].

Учитывая вышеизложенное и консолидируя сущностные черты и свойства таких правовых явлений, как ограничение в праве и ограничивающий правовой режим, считаем обоснованной формулировку следующих «видовых признаков режимных ограничений прав и свобод личности:

– наличие режимно-правового состояния (положения) в государстве, возникновение которого опосредовано объективными условиями и факторами (режимы чрезвычайного, военного положения, государственной тайны, ограниченного доступа к информации и т.д.);

– объективная необходимость негативного ограничительного воздействия со стороны государства (как исключительная возможность обеспечения государством конституционно установленных целей);

– неопределенность круга лиц, субъективные права и свободы которых выступают объектом ограничительного воздействия (в части применения ограничений к установленным в законе правам и свободам специфика статуса конкретных лиц, не сопряженная с осуществлением таких прав и свобод, не учитывается);

– обусловленный режимно-правовым состоянием (положением) в государстве и конституционно-целевыми установками порядок правового регулирования (порядок правового регулирования режимных ограничений прав и свобод личности. Он в силу унифицированного характера, отраженного в конституционных установлениях, имеет единую структуру (элементный состав) для всех правовых режимов, но отличается по содержанию (в зависимости от конкретного вида такого режима, действующего в государстве));

– конкретизированная в законодательстве степень неблагоприятности для удовлетворения интересов отдельных субъектов права, включенных в ограничительный процесс (законодателем должны быть

четко прописаны пределы ограничений субъективных прав и свобод, сопряженные с неукоснительным соблюдением принципов конституционной законности и соразмерности объема изъятий из правового статуса лица конституционно установленным целям такого ограничения)» [108].

В связи с этим, ориентируясь на базовое определение исследуемого ограничения, представленное ранее в работе, и вышеупомянутые признаки, предлагается понимать ограничения режима прав и свобод человека и гражданина как исключения из правового статуса неопределенного круга лиц, обусловленные особым состоянием правовой отношения в государстве (в отдельной его части) и выраженные в определенной степени неблагоприятные

Подводя итог, подчеркнем, что действующий в государстве механизм правового регулирования по ряду причин, как отметил В. Б. Исаков, «в первую очередь ориентирован на решение жизненных ситуаций, которые проявляются в виде юридических фактов, порождающих (на основании закона) различные правовые последствия. В то же время регулирование социального процесса по характеру продолжения не может быть приравнено к упорядочению отдельных ситуаций, что требует определения особых правовых форм, где правовой режим является одним из важнейших. Следовательно, аналогичные тенденции присущи ограничениям в рамках такого режима индивидуальных прав и свобод, которые являются его неотъемлемой частью. Кроме того, цели ограничения субъективных прав и свобод отражены в строго ограниченном конституционном перечне, и поэтому произвольное расширение оснований (целей) такого ограничения недопустимо» [123]. Чтобы избежать произвола (злоупотреблений со стороны государств при применении ограничений прав человека, как мы уже показали, Европейская комиссия по правам человека сформулировала правило «строгого толкования. Важность такого подхода подтверждается и с точки зрения С. Б. Пчелинцева, согласно которому «правовое регулирование в части ограничений индивидуальных прав и свобод в особых (special)

правовых режимах должно носить стратегический и стабильный характер, полностью обеспечивать статус (положение) личности в период их применения. Представляется, что достижению этих целей и задач будет способствовать предлагаемая нами конкретизация признаков режимных ограничений прав и свобод личности. Его результаты затем должны быть приняты во внимание законодателем при оптимизации существующих режимов и новой правовой формализации и связанных с ними ограничений» [98].

В юридической литературе существуют и другие классификационные подходы к объектам влияния правовых режимов, и значительная часть из них имеет ярко выраженный отраслевой характер. В связи с этим, поддерживая конституционно-правовую направленность исследования, обратимся к классификациям предлагаемых правовых режимов в этой области юридической науки. Таким образом, с точки зрения изучения конституционно-правового статуса территории государства, А. Н. Нифанов выделяет такие типы публично-правовых режимов, как: «изначально публичный (базисно-территориальный, объективно-федеральный, подчиненный, институционально ориентированный), специфически публичный (специальный, чрезвычайный, ЧС), исключительно публичный» [61]. С другой стороны, С. Б. Пчелинцев, разрабатывающий проблему ограничений прав и свобод личности при специальных правовых режимах, «акцентирует внимание именно на этом их виде, отличая его от общих и специальных правовых режимов [103]. Этот список можно продолжить, однако, в целом, здесь прослеживается общая тенденция – выбор видового разнообразия последних в качестве критерия классификации объекта воздействия правовых режимов. Мы также поддерживаем эту тенденцию, но за некоторыми исключениями» [70].

Таким образом, следует уточнить, что «любой правовой режим формируется в результате сочетания средств, методов и приемов правового регулирования на отраслевом или межотраслевом уровне; используется для

определения конкретного правового статуса и комплексного регулирования общественных отношений; аккумулирует и систематизирует комплексы правовых средств применительно к определенным субъекты и объекты действительности, обеспечивающие достижение определенных целей. Принимая во внимание конституционно-правовую природу института ограничений прав и свобод человека, в предлагаемой классификации вида их режима мы предлагаем сосредоточиться на сфере конституционно-правового регулирования, основанного на прямых положениях Конституции Российской Федерации. С этих позиций мы считаем разумным и целесообразным выделить два основных вида исследуемой категории ограничений субъективных прав и свобод – ограничительные ограничения режима и регулирующий режим» [65].

Выделение чрезвычайно сложного режима ограничения прав и свобод личности обусловлено прямым закреплением в Конституции России двух видов правовых режимов особого (чрезвычайного) характера – чрезвычайного положения (статья 56, 88) и военного положения (статья 87). Их можно сгруппировать по ряду существенных признаков (определение федеральным конституционным законом, представительство исключительно президентом России на всей территории государства или в определенных населенных пунктах, обязательное уведомление Совета Федерации и Государственной Думы Российской Федерации) [111].

Здесь также следует согласиться с рядом авторов, что «рассматриваемые «чрезвычайные» законы в большей части являют собой органичные и «продуманные» акты, регламентирующие одни из важнейших вопросов стабильности и безопасности российского государства. В пользу такого вывода свидетельствует и длительный период их подготовки (около десяти лет с принятия Конституции России), и сравнительно небольшое число внесенных изменений и дополнений (по два в каждый закон). Между тем, признать анализируемые законы совершенными не представляется возможным» [65].

Как отмечает С.В. Пчелинцев, «ряд положений, закрепляющих перспективные ограничения прав и свобод личности в условиях чрезвычайного и военного положения, отражены и в (иных) федеральных законах, что говорит о наличии у законодателя векторного подхода в решении данной проблемы. Такой подход в целом согласуется с конституционными установлениями (ст.ст. 56, 87, 88)» [98]. Указанные ограничения устанавливаются в порядке, предусмотренном соответствующим федеральным конституционным законом. Однако, акцентируя внимание на законе о чрезвычайном положении, следует поставить вопрос о конституционности фактической конкретизации его положений в специальных (регулятивных) федеральных законах [100, с. 34]. Здесь особого внимания, как представляется, заслуживает конституционно-правовое соотношение закона о чрезвычайном положении и Федерального закона «О противодействии терроризму» (далее – закон о противодействии терроризму) «в части введения режима контртеррористической операции и сопряженным с ней ограничительным воздействием на субъективные права и свободы» [159].

Далее мы переходим к рассмотрению ограничений регулирующего режима на индивидуальные права и свободы. Выделение данного набора режимных ограничений обосновано нами с формально-правовой позиции (с точки зрения установления федеральным законом) и содержательной (с точки зрения определения конкретных правовых режимов, объективно необходимых для регулирования определенных сфер общественных отношений, связанных с конституционными целями) [113]. Пересмотренный анализ правовой базы для установления таких режимов также позволил нам сделать вывод о том, что, в отличие от «чрезвычайных» правовых режимов, критерий субъекта режима является определяющим фактором для выделения такого рода ограничений. Последнее связано с ограничивающим действием закона на субъекта (лицо), который ситуативно подпадает под правовой режим субъекта правоотношений, в рамках которого осуществляются

субъективные права и свободы. В то же время данная категория ограничений обусловлена многообразием нормативных правовых режимов разнообразного характера (как правило, не связанных с исключительной правовой ситуацией и ориентированных на обеспечение нормального функционирования государства в соответствии с целями и условиями, установленными Конституцией (статья 56 Конституции Конституция России)). «В связи с этим, поддерживая конституционно-правовую направленность предпринятого исследования, мы рассмотрим специфику ограничений регулятивного режима на субъективные права и свободы применительно к федеральным (межотраслевым) правовым режимам» [14].

Таким образом, одной из актуальных проблем современности следует признать недостаточную защищенность правового режима ограниченного доступа к информации, имеющейся в распоряжении органов государственной власти, а также его взаимосвязь с конституционным правом на доступ к информации, предоставляемой государством. «Несмотря на нынешнее использование определяющего термина в правотворческой практике и правоприменении, содержание этого правового режима не получило законодательного уточнения. Поэтому ограничения соответствующих прав и свобод личности в этой области со всеми присущими им атрибутами (элементарный состав) четко не определены» [15].

Таким образом, определенный исследовательский интерес в контексте поставленных в работе задач представляет правовой режим государственной тайны. Официальное определение такового предусмотрено в законе «О государственной тайне» (статья 2), и уже из его содержания вполне разумно усматривается необходимость ограничения субъективных прав и свобод лиц, подпадающих под указанный правовой режим (независимо от их общего и (или) специального правового статуса). Кроме того, заявленная цель установления этого регулирующего режима в законе – обеспечение безопасности Российской Федерации – устанавливает необходимость

ограничения не только основного права на информацию (статья 10), но и других конституционных прав и свобод личности – права на выезд за пределы Российской Федерации; право распространять и использовать информацию, составляющую государственную тайну; право на неприкосновенность частной жизни (статья 24). «Однако законодательная конкретизация прав и свобод, подлежащих ограничению в условиях режима секретного государства, а также его условий не решает проблем, связанных, во-первых, с гарантиями осуществления субъективных прав и свобод, уравнивающих такое ограничение, и, во-вторых, с ограничениями ограничивающего действия закона (а также других элементов ограничительной структуры). Этот вывод подтверждается также рядом доктринальных позиций в конституционно-правовой сфере, связанных с изучением феномена ограничения прав и свобод личности» [16].

Также считаем необходимым поддержать точку зрения А.В. Минбалеева о недостаточной гарантированности (в первую очередь, законодательной) компенсаторных возможностей граждан, права которых ограничиваются в связи с допуском к государственной тайне. Так, ст. 21 Закона «О государственной тайне» устанавливает для граждан и должностных лиц, допущенных к государственной тайне (на постоянной основе), определенные социальные гарантии (надбавки в процентах к заработной плате зависимо от степени секретности сведений; преимущественное право на оставление в должности при проведении организационных, штатных и иных мероприятий).

«Однако лица, в отношении которых такой допуск прекращен, но ограничение выезда из Российской Федерации сохраняется, оказываются в коллизии правовой ситуации, ухудшающей их положение по сравнению с лицами, допущенными к государственной тайне – таковые лишаются социальных гарантий, а их конституционное право свободного выезда за пределы государства остается ограниченным. Аналогичная тенденция проявляется и в отношении граждан, допуск которых к государственной

тайне прекращен в связи с окончанием действия трудового договора, но с сохранением ограничения на выезд из России на определенный в законе период. И здесь следует согласиться, что указанным лицам также должны быть установлены социальные (материальные) гарантии, компенсирующие ограничение их конституционного права» [102].

Резюмируя, подчеркнем, что представленные выводы и варианты решения поставленной на данном этапе исследования задачи обусловлены спецификой режимных ограничений прав и свобод личности. В первую очередь, в части неопределенности круга субъектов, подпадающих под ограничительное воздействие.

Ориентированы на оптимизацию обеспечения их конституционно-правового статуса со стороны государства в конституционно-обусловленных целях. «С позиций органичности взаимодействия правовой теории и практики, сформулированные тематические предложения направлены на совершенствование законодательной и правоприменительной деятельности органов государственной власти в исследуемой области, так как вполне закономерно, что превентивная разработка и последующая оптимизация правовых механизмов управления кризисными ситуациями позволяет избежать таковых или минимизировать их последствия. В условиях современной российской действительной такой подход видится особенно актуальным в части соотношения полномочий органов государственной власти и прав и свобод личности» [101].

2.3 Ограничения прав и свобод человека и гражданина в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации

Конституция Российской Федерации предусматривает балансирующий механизм во взаимоотношениях между государством и личностью. Это обуславливается наличием в Конституции как обязанности, предусмотренной для государства, признавать, соблюдать, а также защищать права и свободы

человека и гражданина, но в то же время у государства есть право и ограничить данные привилегии. Одна здесь стоит учитывать, что государство имеет право ограничивать только в строго оговоренных случаях. Стабильной гарантией на территории Российской Федерации выступает судебное учреждение, которое на протяжении времени остаётся неизменным [104].

Данное утверждение имеет доказательную базу, которая состоит из положений конституционного происхождения. Так, например, «часть 2 статьи 23 устанавливает решение суда как обязательный элемент (условие) ограничения права на тайну переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; что касается всех личных прав и свобод, статьи 46-54 и т.д., предусмотреть применение основных судебных гарантий независимо от рассматриваемых видов и форм ограничений; часть 3 статьи 118 придает стабильность судебной системе Российской Федерации и прямо запрещает создание чрезвычайных судов» [114].

На сегодняшний день особое значение придается таким функциям судебной системы как превентивная, интерпретирующая и правовая. Во главе всей этой системы стоит главное судебное учреждение на территории Российской Федерации – Конституционный Суд Российской Федерации. В основу компетенции Конституционного Суда Российской Федерации положены полномочия, которые способствуют предотвращению ситуаций в рамках изучаемого вопроса.

«Кроме того, важность задачи, поставленной на работе, в связи с рассмотрением правовых позиций Конституционного суда по ограничению индивидуальных прав и свобод, обусловлена доктринальными исследованиями в этой области. В частности, исследователи выделяют практику частых апелляций суда к конституционным нормам, регулирующим заявленные вопросы: после принятия закона, регулирующего его деятельность, Конституционный суд вынес около ста пятидесяти решений, в которых непосредственно рассматривался вопрос об ограничении прав и свобод граждан, а также многие раз больше определений, часто

содержащих концентрированные правовые позиции. В этой связи представляется разумным сосредоточиться на правовых позициях Конституционного суда по вопросу, изложенному в Законе» [21].

Анализируя судебную практику в рамках изучаемого вопроса, приходим к выводу, что в основном жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации подпадают на положения из Уголовно-процессуального и Уголовного кодексов. Основания для жалоб составляет тот факт, что многие нормы идут в разрез с конституционными положениями, регулирующими субъективные права и основные свободы прав и человека. Также в качестве основания для жалобы может выступать несоответствие положений пределам ограничений для этой категории прав [118].

Помимо вышеуказанных оснований также пользуется популярностью среди оснований для жалоб неудовлетворенность тем или иным положением в рамках названных кодексов. Причем законодатель рассматривает такие положения в качестве своего рода гарантией в случае ограничения субъективных прав и основных свобод человека и гражданина, непосредственным образом связанных с ходом уголовного процесса.

Следует отметить, что прецедентное право Российской Федерации знает много случаев, которые будет интересно рассмотреть в рамках изучаемого вопроса.

«И здесь следует отметить еще одну тенденцию: при принятии решения о категории рассматриваемых апелляций Конституционный суд конструктивно учитывает, имеет ли заявитель положительный или отрицательный процессуальный статус. То есть, в связи с жалобами лиц, привлеченных к юридической ответственности или отбывающих (несущих) наказание за ограничение судом их конституционных прав, представляется обоснованным, подчеркивается, что их (негативный) статус по своей природе является ограничительным, что не позволяет их «приравнять» к другим лицам которые не имеют такого статуса» [22].

Так, например, представляется интересным рассмотреть ситуацию с гражданкой Алейниковой Е.В. В данном кейсе Суд вынес решение о том, что нормы, которые оспаривались истцом, вовсе не противоречат Конституции Российской Федерации ни в какой из частей. Также в рамках данного решения Суд обязал законодателя федерального уровня разработать пути усовершенствования механизма правового регулирования.

Исходя из того, что «отсутствие у лиц, не участвующих в (гражданском) деле (третьих лиц), соответствующих процессуальных возможностей существенно минимизирует уровень реализации их права на судебную защиту, противоречит конституционно установленным целям гражданского процесса и, следовательно, это не позволяет оценивать судебную процедуру как эффективный инструмент оспаривания гражданско-процессуальных норм (статья 336), не должно рассматриваться в правоприменительной практике как исключение для определенной категории мы подчеркиваем, что признаем такой подход к деятельности Конституционного Суда оправданным и соответствующим Основному закону, и примеры его применения на практике отнюдь не исчерпываются вышеупомянутыми решениями» [105].

Анализируя прецедентную практику Конституционного Суда Российской Федерации, следует отметить, что «в его современной практике они выглядят весьма фрагментарно и, как правило, носят сопряженный, статусно-режимный характер (режимные ограничения затрагиваются в контексте обращения с лицом с определенным правовым статус – общий или специальный). Между тем, текущая ситуация не исключает возможности того, что суд сформулирует подлежащие исполнению подходы не только к своей последующей профильной деятельности, но и к законодательным и правоприменительным процессам, о чем свидетельствует содержание его окончательных решений в исследуемой области» [107].

«Подтверждением этого вывода является, в частности, ряд взаимосвязанных правовых позиций Конституционного суда, выраженных в

окончательном решении по вопросу проверки конституционности отдельных законодательных положений «режимного» характера в отношении обращения гражданина А.Н. Ильченко – бывший военный – с собственным заявлением о специфике статуса. Из судебных решений следует, что ограничение права гражданина России на выезд из страны в связи с его осведомленностью об информации, составляющей государственную тайну, не является абсолютным и обязательным. Это вытекает из понимания диспозитивных норм соответствующих законов и, соответственно, не может быть обусловлено наличием только одной причины – осведомленностью лица о соответствующей информации» [128].

В изложенном контексте представляется актуальной и показательной судебная практика по вопросам компенсационных возможностей лиц, права и свободы которых были ограничены в связи с введением определенного правового режима, и в результате чего эти лица приобрели особый правовой статус [106].

С другой стороны, «при оценке правовых позиций Конституционного Суда в области ограничения прав и свобод личности в целом – с конструктивных и содержательных позиций – необходимо обратить внимание на такой существенный аспект, как активное внедрение в их аргументацию принципа соразмерности таких ограничений на конституционно установленные цели и задачи правового регулирования и правоприменения» [24].

Исходя из положений Федерального Конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации», именно и исключительно этот судебный орган обладает компетенцией толковать Конституцию Российской Федерации, оценивать конституционность законодательных положений и т.д., а также, в случае конкретный нормативный порядок контроля, сформулируйте правовые позиции, которые будут применяться как по отношению к предмету дела, по которому было принято окончательное решение, так и по отношению к другим правовым ситуациям (предметам

рассмотрения). В связи с этим и принимая во внимание вышеизложенное, считаем разумным и необходимым рекомендовать Конституционному Суду Российской Федерации, «основываясь на достижениях правовой доктрины и практики, а также принимая во внимание собственные правовые позиции, сформулировать и представить для обязательного применения систематизированный перечень критериев для применения принципа пропорциональности, представляется, что этот перечень может быть отражен в виде правовой позиции суда в рамках окончательного решения по вопросу, касающемуся оценки вопроса об ограничениях субъективных прав и свобод» [23].

Таким образом, проанализировав предоставленную информацию, можем сделать следующие выводы:

– на сегодняшний день в рамках законодательства Российской Федерации функционирует довольно эффективный механизм, обеспечивающий реализацию прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Цель и суть данного механизма направлена на то, чтобы установить границы для законодателя на федеральном уровне, дабы он действовал исключительно в пределах, установленных статьями 55 и 56 Основного закона Российской Федерации. Судебная практика Российской Федерации показывает, что абсолютно любой нормативно-правовой акт, который своим содержанием уменьшает, а не ограничивает в разумных целях права и свободы личности, должен быть признанным противоречащим Конституции Российской Федерации. Однако следует отметить, что в ходе деятельности постоянно появляются определенного рода проблемы и, как следствие, постоянная неоднозначность прослеживается в принимаемых документах в отношении ограничения прав и основных свобод граждан.

Заключение

Проведя исследования в ходе написания магистерской диссертации, автор пришёл к следующим умозаключениям.

Вопросы национальной безопасности регулируются на конституционном уровне, Основной закон каждого государства определяет систему национальной безопасности и ее задачи, компетенцию парламента, Президента государства, исполнительного органа, отдельных министерств и органов самоуправления. Как показал анализ политико-правовых отношений в разных странах мира, регулирование прав и обязанностей субъектов права становится особенно важным после возникновения военного конфликта на территории конкретного государства. В связи с этим процесс реализации прав человека и гражданина требует более императивных методов регулирования, оправданно принимает форму чрезвычайной процедуры регулирования общественных отношений, иногда опираясь на средства принуждения.

При этом правовые положения и действия исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления не могут избежать контроля со стороны судебной власти, если такое положение или действие посягает на законные интересы лица. Судебная система в целом и его составные части, в частности, должны гарантировать контроль над двумя другими ветвями власти. Конституционный суд стран, оценивая соответствие законов Конституции, реализует принцип верховенства Конституции, обеспечивая тем самым конституционное правосудие. Суды компетентны проверять законность и конституционность решений, принятых другими ветвями власти, в случаях, когда такие решения связаны с национальной безопасностью.

Национальная безопасность и права человека вступают в конфликт, когда ограничения основных прав вводятся в интересах общественной безопасности. Задачей органов государственной власти и местного

самоуправления в таких случаях является обеспечение баланса между защитой основных прав, с одной стороны, и национальной (государственной) безопасностью, с другой стороны. Основные права могут быть ограничены только в том случае, если для такого ограничения существует законная цель. В нескольких статьях Конвенции о защите прав человека и основных свобод говорится о национальной безопасности как о законной цели, ради которой допустимо ограничивать определенные права. Только та защита конституционных ценностей может быть законной целью ограничения основных прав. Права лиц, предусмотренные Конституцией, могут быть ограничены в обстоятельствах, предусмотренных законом, с целью, во-первых, защиты прав других лиц, во-вторых, защиты демократического устройства государства и, в-третьих, защиты общественной безопасности, благосостояния и морали.

Следует сказать, что в рамках данной темы автор согласен с позицией, что ограничения в праве должны быть четко обозначены.

Автор видит взаимосвязь между ограничениями прав и свобод личности и позитивным вычленением прав/правомочий. Позитивные характеристики заключается в том, что данные ограничения существуют в рамках закона и только для строго определенных положительных целей.

В рамках Конституции Российской Федерации предусмотрено понятие «ограничение», которое нацелено на то, чтобы определять границы прав и свобод личности. Данное понятие можно наблюдать в следующих статьях Основного закона страны: ч.2 ст. 23, ч.1,3 ст. 56, ст. 79 и др. Проанализировав вышеуказанные статьи, можно утверждать, что в них закреплены как правоустанавливающие, так и правоприменительные ограничения прав и свобод личности.

В рамках Конституции Российской Федерации, а именно в ч.3 ст.55 содержится положение, которое предусматривает, что права и свободы личности могут быть ограничены только в строго определенных случаях и при конкретно указанных целях. Так, например, вышеуказанная статья

говорит, что на основании федерального закона Российской Федерации права и свободы личности могут быть ограничены, но только в том объеме, при котором основы конституционного строя, общественность, здоровье, права и свободы личности будут под надежной защитой.

Следует отметить тот факт, что в отличие от нормативно-правовой базы в научной литературе на сегодняшний день отсутствует единый подход к пониманию ограничений. Следует сказать, что из-за большого количества разнообразных нормативно-правовых целей, а также из-за отсутствия унифицированного подхода здесь даже и не подразумевается наличие единого подхода в понимании данного вопроса.

Также подходя к изучению данного вопроса, следует проводить границу между такими понятиями, как ограничения прав и свобод личности и неполно реализованные права самой личностью. То есть, общо говоря, следует ограничивать друг от друга смежные правовые явления.

В связи с тем, что наука не стоит на месте, и постоянно учёные находятся в поиске все новых идей и видений, то в рамках данного исследования будет уместным озвучить авторское видение данного правового понятия. Ограничения прав и свобод личности имеют конституционный характер, закрепляются в нормативно-правовых актах, а также служат для изъятия из юридического положения лица для разнообразных целей (сущностных, статусных, режимных и др.)

В рамках написания магистерской диссертации автор уделил особое внимание видовому разнообразию ограничений прав и свобод личности конституционного характера.

В рамках данной темы рассматривается вопрос о том, что в самом начале зарождения ограничений прав и свобод личности конституционного характера советская власть очень жестко критиковала те конституции, в тексте которых были упоминания о таких ограничениях.

Но, несмотря на такую жесткую критику, в советском государстве все-таки наблюдалась тенденция, направленная на уравнивание интересов

личности и государства и важную роль в этом играли именно ограничительные меры.

Современная правовая наука остаётся на то, что должна существовать некая совокупность интересов, в которой защищенность каждого из субъектов будет зависеть друг от друга. Чем больше защищенность других сторон, тем больше защищён сам субъект.

Во время существования СССР в правовой науке в рамках данного вопроса учёные так и не смогли прийти к единому мнению. В связи с этим при написании диссертации автором были выделены наиболее значимые этапы в развитии данного вопроса.

Первый этап длился с 1918 по 1923 год и характеризовался наличием точечных ограничений, в частности в этот период такие ограничения существовали в избирательном праве. Так, например, в Конституции РСФСР 1918 г. такие ограничения можно было увидеть в ст. 19 или 36.

Второй период, который растянулся на 12 лет до 1935 г. Характеризуется полным отсутствием подобного рода ограничений.

Третий период был ещё более длительный и составил в общей сложности 40 лет. Этот период ознаменован тем, что в Конституции РСФСР 1937 г. были отражены некоторые ограничения субъективных прав и свобод личности, причём эти ограничения перекликались с принципом недискриминации.

Четвёртый этап продлился всего два года и запомнился тем, что были введены сущностные ограничения Конституцией РСФСР 1977 г.

Пятый этап начался в 1978 г. и продлился до 1992 г. В этот период в Конституции РСФСР нашли своё отражение пост все виды ограничений субъективных прав и свобод личности. Здесь речь идёт об ограничениях сущностного, статусного и режимного характера.

Шестой этап начался в 1993 г. и длится до сегодняшнего дня. Современная Конституция Российской Федерации содержит абсолютно все

виды ограничений прав и свобод личности: сущностные, статусные и режимные.

Анализ конституционно-правового законодательства с целью выявления в нем норм, предусматривающих статусные ограничения прав и свобод человека и гражданина, позволил выделить и охарактеризовать несколько наборов соответствующих норм с учетом процедуры получения самого статуса.

1. Статусные ограничения, связанные с выполнением государственной или муниципальной службы.

Для всех видов государственной службы имманентен практически идентичный перечень оснований для ограничений. Поэтому далее, взяв за основу государственную гражданскую службу, подробно рассматриваются причины ограничения для таковой и даются некоторые разъяснения для правоохранительных органов и военной службы.

В рамках оснований для ограничений на государственной гражданской службе особое внимание уделяется:

– наличие заболевания, препятствующего поступлению на государственную службу или ее прохождению и подтвержденного увольнением из медицинского учреждения. Правительство Российской Федерации в своем специальном акте должно регламентировать порядок медицинского освидетельствования, перечень таких заболеваний и форму медицинского заключения.

– наличие гражданства другого государства (других государств).

2. Ограничения, связанные с занимаемой должностью. В основе понимания данной группы ограничений лежат термины «должностное лицо», «лицо, занимающее государственную должность Российской Федерации», «лицо, занимающее государственную должность субъекта Российской Федерации», «иностранное должностное лицо».

В рамках диссертационной работы представлен и охарактеризован исчерпывающий перечень разновидностей статусных ограничений прав и

свобод человека и гражданина. Вместе с тем, полагаем, он наиболее демонстративен в части таковых и перспективен в аспекте его дальнейшего пополнения.

В аспекте обоснования выделения и системного анализа режимных ограничений прав и свобод личности, посредством консолидации сущностных черт и свойств таких правовых явлений, как ограничение в праве и ограничивающий правовой режим, в работе сформулированы видовые признаки данных (режимных) ограничений. При этом подчеркнута, что конкретизация данных признаков ориентирована на достижение поставленных в работе цели и задач, а также на перспективное применение законодателем при оптимизации существующих и оформлении новых правовых режимов и сопряженных с ними ограничений. Основываясь на отмеченных признаках, сформулировано авторское определение понятия «режимные ограничения прав и свобод личности».

В соответствии с поставленной исследовательской задачей далее были проанализированы правовые позиции Конституционного Суда по вопросам ограничений субъективных прав и свобод, исходя из ранее выделенных фокусных форм таких ограничений – статусных и режимных, – применительно к проблемным аспектам законодательного регулирования и правоприменительной практики.

Ограничения прав, предусмотренные Хартией основных прав Европейской конституции, представляют собой смесь стандартов, разработанных для предписания и применения национальных конституционных законов, Европейской конвенции по правам человека и других международных документов. Их общая формулировка в статье 11-112, возможно, не соответствует проблематике ограничений, но она отражает гражданско-правовую озабоченность ограничением государственной власти формальным и существенным, а также общим и абстрактным образом. Суды, в частности Европейский Суд, призваны наполнить содержанием довольно разреженные концепции формальных ограничений, таких как

«предусмотренные законом», и существенных ограничений, таких как принцип пропорциональности, который является инструментом укрепления судов. Конкретные ограничения, или ограничения на содержание, применяются к конкретным гарантиям по всему документу, отражая уникальные исторические угрозы и отлаженный баланс прав с интересами сообщества и потребностями других.

Имеется богатая внутренняя и международная судебная практика, позволяющая придать смысл как содержанию, так и ограничениям новой Хартии, поскольку многие термины, выбранные для определения и ограничения ее прав, являются знакомыми понятиями. Кроме того, многоуровневому характеру правления в Европе противостоят многоуровневые каталоги прав, которые рекомендуют проявлять скромность при осуществлении агрессивного переосмысления содержания и пределов прав. Хартия является важным новым элементом Конституции Европы. Она основана на мудрости веков, простирающейся далеко за пределы ее географических границ и опирающейся, в частности, на богатый и глубокий источник Американского Билля о правах. Его толкование должно должным образом учитывать этот ценный запас унаследованных предписаний и толкований.

Оценивая правовые позиции Конституционного Суда в области ограничения прав и свобод личности в целом – с конструктивно-содержательных позиций, – обращено особое внимание на такой значимый аспект, как активное применение при их обосновании принципа соразмерности таких ограничений конституционно обусловленным целям и задачам правового регулирования и правоприменения. В данной связи установлено, что, основываясь на ранее обозначенных подходах, в современный период Судом также предпринимаются попытки уточнить содержание данного принципа при обосновании и формулировании своих правовых позиций в исследуемой сфере. При этом в его итоговых решениях по делам, связанным с ограничением субъективных прав и свобод,

представлены как общеправовые, так и конкретно-ситуационные юридические конструкции, ориентированные на уточнение содержания и специфики применения принципа соразмерности в законодательной и правоприменительной деятельности. В качестве резолютивного предложения по данному вопросу представлена рекомендация Конституционному Суду по исправлению сложившейся ситуации.

Подавляющее большинство государств – членов ЕСПЧ различными способами осуществляют положения Конвенции, касающиеся применения ограничений прав и свобод в своих национальных правовых системах.

Объем и виды конституционных ограничений зависят от особенностей правовых традиций каждого отдельного государства.

Специфика конституционных ограничений во многом зависит от европейского региона, в котором находится та или иная страна. В то время как в странах Континентальной и Восточной Европы конституционные ограничения прав человека определены достаточно четко с установлением правовой сферы таких ограничений, в частности, в период военного положения, исключительного статуса, а также в период стихийных бедствий, в конституциях стран Балтии конституционные ограничения стран различаются в зависимости от политического, экономического или социального характера прав человека.

Общей чертой всех конституционных ограничений прав и свобод человека является то, что их применение обусловлено объективными обстоятельствами и необходимо для демократического общества и ни при каких обстоятельствах не должно искажать суть прав и свобод человека, подпадающих под такие ограничения.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агеев В.Н. Международные стандарты в области ограничения прав и свобод личности // Международное публичное и частное право. 2008. № 4. – С. 35-39.
2. Агеев В.Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно ограничения прав и свобод государственных служащих // Российская юстиция. 2013. № 6. – С. 64-68.
3. Американская конвенция о правах человека заключена в г. Сан-Хосе 22.11.1969 г. // Международные акты о правах человека: Сборник документов. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2002.
4. Андреев Ю.Н. Ограничения в гражданском праве России. СПб: Юридический центр Пресс, 2011. – 119 с.
5. Барбин В.В. Конституционно-правовые основания ограничения основных прав и свобод человека и гражданина и их реализация в деятельности органов внутренних дел: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. – 30 с.
6. Бурьянов С.А. Правовые основы, сущностное содержание и гарантии свободы совести // Государство и право. 2001. № 2. – С. 19-26.
7. Васин А.Л. Методические и практические предпосылки ограничения прав человека // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Ч. I. – 349 с.
8. Златопольский А.А. Некоторые методологические вопросы взаимоотношений личности и государства // Права человека: время трудных решений / Отв. ред. Е.А. Лукашева, М.М. Славин. М., 1991. – 254 с.
9. Зорькин В.Д. Роль Конституционного Суда в обеспечении стабильности и развитии Конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. – С. 7-15.

10. Иванов А.П. Конституционное закрепление свободы личности при социализме // Вопросы охраны прав личности и укрепления социалистической законности. Саратов, 1966. – 611 с.
11. Игнатенко Г.В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности // Правоведение. 2001. № 2. – С. 14-17.
12. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. 1992. № 3. – С. 31-36.
13. Исаков В.Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права. М., 1987. – 219 с.
14. Исаков В.Б. Правовые режимы и их совершенствование // XXVI съезд КПСС и развитие теории права. Свердловск, 1982. – 260 с.
15. Исаков В.Б. Правомерное и неправомерное ограничение прав человека в законотворческой практике России // XXVI съезд КПСС и развитие теории права. Свердловск, 1982. – 149 с.
16. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.09.2013 г.) // Российская газета. 2001, 31 декабря; 2013, 4 октября.
17. Кодекс торгового мореплавания РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 28.07.2012 г.) // Российская газета. 1999, 1-5 мая; 2012, 30 июля.
18. Козбаненко В.А. Правовое обеспечение статуса государственных и муниципальных служащих: общее и особенное // Государство и право. 2003. № 1. – С. 4-7.
19. Козлов В.В. Ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы, установленные федеральным законодательством о противодействии коррупции и о государственной гражданской службе Российской Федерации (о некоторых проблемах правовых ограничений военнослужащих, установленных статьей 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих») // Право в Вооруженных Силах. 2011. № 5. – С. 21-28.

20. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, Инфра-М, 2011.

21. Комментарий к Федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и законодательству о гражданской службе зарубежных государств / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: МЦФЭР, 2005.

22. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕТ8 № 5) от 04.11.1950 г. // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

23. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

24. Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / Отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997. – 843 с.

25. Кулакова Ю. Некоторые вопросы правовых ограничений на государственной гражданской службе // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 9. – С. 15-19.

26. Курс советского государственного права / Под ред. Б.В. Щетинина, А.Н. Горшенева. М.: Высшая школа. 1971.

27. Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. – С. 11-15.

28. Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7. – С. 15-20.

29. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. – 138 с.

30. Лебедев В.А. Ограничения политических прав и свобод граждан в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2. – С. 12-20.

31. Лукашева Е.А. Правовое государство и обеспечение прав личности // Права человека: проблемы и перспективы. М., 1990. – 142 с.
32. Маковецкая М.Г. Понятие конституционно-правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации // Российская юстиция. 2012. № 6. – С. 15-20.
33. Маковский А.Л. Вступительная статья // Правовое положение иностранных граждан в России: Сборник нормативных актов. М., 1996. – 203 с.
34. Марышева Н.И. Еще раз к вопросу о международном усыновлении // Журнал российского права. 2013. № 4. – С. 16-21.
35. Марышева Н.И. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 2002. – 600 с.
36. Марышева Н.И., Хлестова И.О. Конституционный принцип национального режима иностранных граждан // Журнал российского права. 2013. № 8. – С. 12-24.
37. Матузов Н.И. О категориях «субъективное право» и «юридическая обязанность» в свете современного правового развития // Личность и власть (конституционные вопросы): Межвуз. сб. науч. работ. Ростов-на-Дону, 1995. – 302 с.
38. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. – С. 15-20.
39. Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (Принят 12.12.1996 г. Резолюцией /59 на 82-ом пленарном заседании 51-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Документ опубликован не был;
40. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

41. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19.12.1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 1831.

42. Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007; .

43. Мельников В.П. Государственная служба в России: исторический опыт. М.: Изд-во РАГС, 2005. – 421 с.

44. Минбалеев А.В. Ограничение свободного выезда за пределы Российской Федерации в связи с допуском к сведениям, составляющим государственную тайну // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. – С. 13-18.

45. Мишин А.А., Пулянов В.З., Данов Р.Х., Барабашев Г.В. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. М., 1970. – 523 с.

46. Мозохина А.Г. Свобода личности и основные права граждан в социалистических странах Европы. М.: Наука, 1965. – 342 с.

47. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. – 197 с.

48. Морозова Л.А. Конституционное регулирование в СССР. М., 1985. – 349 с.

49. Морозова Л.Я. Институт ограничения политических прав и свобод работников правоохранительных органов в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб, 1996. – 362 с.

50. Мюллерсон Р.А. Права человека и социализм // Права человека: время трудных решений / Отв. ред. Е.А. Лукашева, М.М. Славин. М.: ИГПАН. 1991. – 364 с.

51. Насташкин А.М. Предельный возраст нахождения на государственной службе как свидетельство незрелости российской демократии // Закон и право. 2000. № 11. – С. 11-16.

52. Никонов Д.А. Советское чрезвычайное военное законодательство (1920-1941 гг.). СПб, 2006. – 200 с.
53. Нифанов А.Н. Территория: конституционно-правовая феноменология государственного атрибутива. Ростов н/Д: РостИздат, 2011. – 269 с.
54. Общая теория государства и права: Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма, 2007. – 416 с.
55. Общая теория прав человека / Под ред. Е.А. Лукашевой. М., 1996. – 399 с.
56. Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М., 2003. – 361 с.
57. Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 213-0 «По жалобе гражданина Щеренко Александра Павловича на нарушение его конституционных прав положениями части четвертой статьи 332 и пункта 3 статьи 336 Трудового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 41. Ст. 4285.
58. Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-0 «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» // СЗ РФ. 1998. № 34. Ст. 4368.
59. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2013 г. № 1019-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Акобии Серго Но-евича, Башмакова Владислава Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 15, частями второй и третьей статьи 66 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был;
60. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2013 г. № Ю29-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Булдыгина Алексея Сергеевича, Бунтова Юрия Владимировича и других на нарушение

их конституционных прав частью третьей статьи 66 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был;

61. Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1165-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зайферт Татьяны Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав статьей 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был;

62. Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 472-0-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Тесленко Дины Павловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 части 1 и частью 2 статьи 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был;

63. Определение Конституционного Суда РФ от 3 октября 2002 г. № 233-0 «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статьи 25 Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации», статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», статьи 14 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и статьи 20.1

64. Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2011 г. № 193-0– О «По жалобе гражданина Соколова Алексея Вениаминовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 3.

65. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923 г.). Документ утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР,

утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г. // СУ РСФСР. 1923. №81. Ст. 782.

66. Основы советского государства и права / Под ред. М.П. Каревой, Г.И. Федыкина М.: Госюриздат, 1956. – 620 с.

67. Патюлин В.А. Политические права и свободы граждан СССР // Социализм и личность / Отв. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1979. – 358 с.

68. Пирбудагова Д.Ш. К вопросу о конституционных пределах ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юридический мир. 2009. № 12. – С. 15-20.

69. Подмарев А.А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. – 411 с.

70. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»). Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР, утвержденной Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 г. // СУ РСФСР. 1925. №30. Ст. 218.

71. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2009 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 14 и пункта 1 части первой статьи 15 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ) в связи с запросом Курчатковского городского суда Курской области и жалобами граждан А.В. Жестикова и П.У. Мягчило» // Российская газета. 2009, 26 ноября.

72. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2012 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова» // Российская газета. 2012, 26 октября.

73. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы» // Российская газета. 2013, 31 июля.

74. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2276.

75. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2003. № 14. Ст. 1302.

76. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 УК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

77. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса

Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы» // Российская газета. 2010, 14 мая.

78. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2010 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого» // Российская газета. 2010, 7 июля.

79. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 июня 1995 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е.Р. Такновой, Е.А. Оглоблина, А.Н. Ващука» // СЗ РФ. 1995. № 27. Ст. 2622.

80. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 1998 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в ред. от 28 августа 1997 г.) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» // СЗ РФ. 1998. № 18. Ст. 2063.

81. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой» // СЗ РФ. 2007. № 27. Ст. 3346.

82. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна» // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

83. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина» // СЗ РФ. 2011. №28. Ст. 4261.

84. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросами группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

85. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 1995 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 года «О милиции» в связи с жалобой гражданина В.М. Минакова» // СЗ РФ. 1995. № 24. Ст. 2342.

86. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2012 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А.Н. Ильченко» // Российская газета. 2012, 21 июня.

87. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными

полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009, 30 октября.

88. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» (ред. от 13 июля 2012 г.) // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4916; 2012. № 30. Ст. 4275.

89. Постановление Правительства РФ от 10 апреля 2003 г. № 208 «Об утверждении списка заболеваний, препятствующих работе в представительстве Российской Федерации за границей» (ред. от 4 сентября 2012 г.) // СЗ РФ. 2003. № 15. Ст. 1373; 2012. № 37. Ст. 5002.

90. Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией). Утратило силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР от 12.04.1978 г., утвержденной Декларацией ВС РСФСР от 12.04.1978 г. // Документ опубликован не был; www.garant.ru

91. Права человека и современный мир / Отв. ред. Н.К. Михайловский. Киев: Наукова думка, 1980. – 302 с.

92. Право собственности. Актуальные проблемы. М., 2008. – 206 с.

93. Правовые акты. Учебно-практическое и справочное пособие / Ю.А. Тихомиров, И.В. Котелевская. М., 1999. – 360 с.

94. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 14 декабря 2009 г. № 984н «Об утверждении Порядка прохождения диспансеризации государственными гражданскими служащими Российской Федерации и муниципальными служащими, перечня заболеваний, препятствующих поступлению на государственную гражданскую службу Российской Федерации и муниципальную службу или ее прохождению, а также формы заключения медицинского учреждения» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 29.12.2009 г. № 15878) // Российская газета. 2010, 22 января.

95. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву. Материалы круглого стола журнала «Государство и право» // Государство и право. 1997. № 7. – С. 16-22.

96. Приходько И.М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. – 31 с.

97. Приходько И.М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. – 32 с.

98. Приходько И.М. Правовые ограничения в законодательстве: проблемы теории и практики // Правоведение. 1999. № 1. – 264 с.

99. Протокол № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод об обеспечении некоторых иных прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию, и первый дополнительный протокол к ней от 16.09.1963 г. // Бюллетень международных договоров. 1998. № 7. – С. 13-20.

100. Пчелинцев С.В. О пределах возможных ограничений прав и свобод граждан в условиях действия особых правовых режимов // Современное право. 2003. № 10. – С. 11-20.

101. Пчелинцев С.В. Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2006. – 20 с.

102. Пчелинцев С.В. Пределы ограничений прав и свобод человека в условиях особых правовых режимов: современные подходы // Журнал российского права. 2005. № 8. – С. 17-20.

103. Пчелинцев С.В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. М.: Норма, 2006. – 363 с.

104. Пчелинцев С.В. Роль ограничения прав и свобод граждан в обеспечении баланса интересов личности, общества и государства // Право и политика. 2006. № 5. – С. 31-36.

105. Рудинский Ф.М. Личность и социалистическая законность. Волгоград, 1976. – 299 с.

106. Рыбаков О.Ю., Пряхина Т.М. Конституционно-правовая политика // Российская правовая политика. М.: Норма. 2003. – 155 с.

107. Рыбакова Т.С. Правомерные ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // История государства и права. 2007. № 16. – С. 21-25.

108. Стародубцева И.А. Ограничение конституционных прав граждан в период непогашенной и неснятой судимости: требуется проверка законодательства на соответствие Конституции Российской Федерации // Омбудсмен: государство и защита прав человека. 2012. № 1. – С. 30-33.

109. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 23.07.2013 г.) // Российская газета. 2001, 31 декабря; 2013, 25 июля.

110. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25 ноября 2013 г.) // Российская газета. 2001, 22 декабря; 2013, 27 ноября.

111. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.11.2013 г.) // Российская газета. 1996, 18, 19, 20, 25 июня; 2013, 27 ноября.

112. Указ Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» (ред. от 16.07.2009 г.) // СЗ РФ. 2007. № 13. Ст. 1531; 2009. № 29. Ст. 3658.

113. Федерального закона «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 12. Ст. 1174.

114. Федеральный закон РФ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 02.07.2013 г.) // Российская газета. 2002, 15 июня; 2013, 10 июля.

115. Федеральный закон РФ от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 25.11.2013 г.) // Российская газета. 1996, 22 августа; 2013, 27 ноября.

116. Федеральный закон РФ от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в

117. Федеральный закон РФ от 15 июля 1995 г. № ЮЗ-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ред. от 25.11.2013 г.) // Российская газета. 1995, 20 июля; 2013, 27 ноября.

118. Федеральный закон РФ от 17 июля 1999 г. № 169-ФЗ «О внесении изменения и дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1999, 21 июля.

119. Федеральный закон РФ от 2 марта 2007 г. № 24-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения требований к лицам, замещающим государственные или муниципальные должности, а также должности государственной или муниципальной службы» (ред. от 05.04.2013 г.) // Российская газета. 2007, 6 марта; 2013, 10 апреля.

120. Федеральный закон РФ от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2013 г.) // Российская газета. 2007, 7 марта; 2013, 10 июля.

121. Федеральный закон РФ от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (ред. от 28.06.2013 г.) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 67304; 2013 № 26. Ст. 3207.

122. Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 07.05.2013 г.) // Российская газета. 2008, 30 декабря; 2013, 14 мая.

123. Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» (ред. от 5 апреля 2013 г.) // Российская газета. 2008, 30 декабря; 2013, 10 апреля.

124. Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 151 -ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2013 г.) // СЗ РФ. 2002. № 51. Ст. 3032; 2013. № 30 (Часть I). Ст. 4057.

125. Федеральный закон РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 02.07.2013 г.) // Российская газета. 2004, 31 июля; 2013 10 июля.

126. Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 02.07.2013 г.) // Российская газета. 2006, 29 июля; 2013, 10 июля.

127. Федеральный закон РФ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (ред. от 02.07.2013 г.) //Российская газета. 1998, 2 июня; 2013, 10 июля.

128. Федеральный закон РФ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. от 02.07.2013 г.) // Российская газета. 2003, 31 мая; 2013, 10 июля.

129. Федеральный закон РФ от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (ред. от 02.12.2013 г.) // Российская газета. 2010, 29 ноября; www.pravo.gov.ru

130. Федеральный закон РФ от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2012, 29 декабря.

131. Федеральный закон РФ от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ред. от 02.07.2013 г.) // Российская газета. 1998, 2 апреля; 2013, 10 июля.

132. Федеральный закон РФ от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» (ред. от 02.07.2013 г.) // Российская газета. 1995, 12 апреля; 2013, 10 июля.

133. Федеральный закон РФ от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (ред. от 23.07.2013 г.) // Российская газета. 2008, 31 декабря; 2013, 31 июля.

134. Федеральный закон РФ от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации». Утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Российская газета. 1995, 3 августа.

135. Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 02.11.2013 г.) // Российская газета. 2006, 10 марта; 2013, 6 ноября.

136. Федеральный закон РФ от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ред. от 25.11.2013 г.) // Российская газета. 1999, 19 октября; 2013, 27 ноября.

137. Федеральный закон РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 25.11.2013 г.) // Российская газета. 2003, 8 октября; 2013, 27 ноября.

138. Федеральный конституционный закон РФ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 05.04.2013 г.) // Российская газета. 1994, 23 июля; 2013, 10 апреля.

139. Федеральный конституционный закон РФ от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 07.03.2005 г.) // Российская газета. 2001, 2 июня; 2005.

140. Федеральный конституционный закон РФ от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред. от 28.12.2010 г.) // Российская газета. 2002, 2 февраля; 2010, 30 декабря.

141. Хабриева Т.Я., Никитина Е.Е. Современный взгляд на теорию ограничения прав и свобод человека (рецензия на монографию С.В. Пчелинцева «Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов») // Журнал российского права. 2006. № 8. – С. 5-11.
142. Хорунжий С.Н., Бекетова С.М. Правовые проблемы противодействия коррупции, связанные с ограничениями и обязанностями лиц, замещающих государственные и муниципальные должности // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 4. – С. 5-10.
143. Чаннов С. Ограничение допуска к государственной и муниципальной службе лиц с криминальным прошлым // Законность. 2010. № 1. – С. 15-20.
144. Чемакин А.Б. Правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. – 188 с.
145. Шевердяев С.Н. Конституционно-правовой режим информации ограниченного доступа // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 1. – С. 13-19.
146. Шмоткин А.В. Пределы ограничения прав и свобод личности при обеспечении национальной безопасности // Проблемы обеспечения национальной безопасности в современных условиях. Минск, 2001. – 206 с.
147. European Court of Human Rights: Judgments and decisions. Strasbourg, 26 April 1979 (Sunday Times (UK)). Series A. № 30. P. 31.
148. Andreassen, Skalnes, Smith and Stokke. Assessing human rights performance in developing countries; the case for a minimal threshold approach to economic and social rights. Human rights in developing countries; Yearbook 1987/1988. Copenhagen, Akademisk Forlag, 2018. pp. 333-355.
149. Gomez, Mario. Social economic rights and human rights commissions. Human rights quarterly, vol. 17, No.1, February 2015. pp. 155-169.

150. Jochnick, Chris. Confronting the impunity of non-State actors; new fields for the promotion of human rights. *Human rights quarterly*, vol. 21, No. 1, February 2019. pp. 56- 79.

151. European Union Agency for Fundamental Rights, ‘Coronavirus Pandemic in the EU – Fundamental Rights Implications – Bulletin 3’ (30 June 2020).

152. Jörg Polakiewicz, ‘Collective Responsibility and Reservations in a Common European Human Rights Area’ in Ineta Ziemele (ed), *Reservations to Human Rights Treaties and the Vienna Convention Regime: Conflict, Harmony and Reconciliation* (vol 17, Martinus Nijhoff Publishers 2004) pp. 95-132.